Морская ведьма

Автор:
Сара Хеннинг

Морская ведьма

Сара Хеннинг

Морская ведьма #1

Все знают, чем закончилась сказка: русалочка, принц, поцелуй любви. Но не всем известно, что произошло до этих счастливых событий. На свете жили две девушки. Первая обладала магической силой, а вторая была уже мертва.

С тех пор как ее лучшая подруга, Анна, утонула, Эвелин стала изгоем в маленьком рыбацком городке. Ее винили в смерти девушки. Но однажды Эвелин заметила в море русалку, как две капли воды похожую на Анну. Неужели той удалось спастись?

Однако у русалки есть темный секрет: ненависть поглотила ее сердце. Эвелин готова пойти на все, чтобы сохранить человеческий облик своей подруги. Но девушка еще не знает, что сделка с морем может стоить ей жизни.

Сара Хеннинг

Морская ведьма

Sarah Henning

SEA WITCH

Copyright © 2018 by HarperCollins Publishers

Published by arrangement with HarperCollins Children’s Books, a division of HarperCollins Publishers

© 2018 by HarperCollins Publishers

© Шаповал И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Нейту и Амалии – единственным кораблям в моем море.

И Джастину – в следующий разбудет больше автомобильных погонь.

В моих жилах достаточно пены морской, чтоб я мог понимать язык прибоя.

Жан Кокто, «Завещание Орфея»

Пролог

Стоял полдень. Эхом раздавались отзвуки топота маленьких ботиночек по мощеной дорожке: одна пара ножек бежала аккуратно, другая – спотыкалась

и проскальзывала. Светловолосая девочка, которой не больше пяти лет, тащила за собой девочку с волосами цвета воронова крыла. Последняя была на пару сантиметров выше ростом и на год старше. Девочки направлялись вдоль фарватера к небольшому деревенскому домику.

Темноволосая девочка не могла набрать воздуха в легкие – каждый ее вдох сопровождался хрипом и свистом.

Она захлебывалась и тонула, находясь на суше.

Как только в поле зрения появился домик, светловолосая девочка решила закричать – позвать на помощь. Но не успела она раскрыть рта, как отворилась дверь. Навстречу им ринулась мама второй девочки. Она будто почувствовала неладное. Женщина, казалось, всегда была в курсе их проделок.

– Эви! – воскликнула мать. Она взяла дочь на руки, бережно прижала ее к груди и устремилась обратно к домику.

– Анна, – обратилась женщина к светловолосой девочке. Та чересчур долго тащила свою подружку и теперь не могла успокоить дыхание, – приведи придворного врача.

– Но…

– Ступай!

Без дальнейших пререканий девочка побежала. Ее крепкие ботиночки застучали по брусчатке все быстрее и быстрее.

Когда мать плотно затворила дверь их домика, девочка с волосами цвета воронова крыла поняла: лекарства придворного доктора ее не вылечат.

Оставалось только одно средство.

– Джианни! – позвала мать. Из спальни показалось заспанное лицо отца девочки. Во время последнего выхода в море на китобойном судне ему не удавалось поспать.

– Эви… что…

– Сломано ребро. Возможно, проколото легкое.

Мать уложила девочку на кровать, разорвала лиф ее платья до живота. Под кожей чернели синяки. Кровоподтеки расползались по маленькой грудной клетке ребенка – подобно паутине, протянутой от позвоночника к грудине. Мать заглянула в темные глаза дочери.

– Что произошло?

Девочка облизала губы и вдохнула немного воздуха, готовясь ответить.

– Я спасла Ника.

Она сказала правду. Девочка гордилась своим поступком. И улыбнулась, несмотря на боль.

Все утро они играли вместе – маленькая блондинка, девочка с волосами цвета воронова крыла и их друг-мальчик. Ребята бегали по кромке воды, омываемые волнами, залезали на камни и скалы, танцевали на песке. Затем настал день. Пришло время уходить. Мальчику нужно было возвращаться в замок, девочкам – домой. Младшей – в свою усадьбу. Эта усадьба была в десять раз больше крошечного деревенского домика темноволосой девочки.

Обгоревшие на солнце шалуны не хотели уходить. Они взбунтовались и, взявшись за руки, побежали – мальчик во главе процессии – по дорожке из валунов. Тропинка вела к пещере в скалах. Они смеялись и визжали, перепрыгивая с камня на камень. Няня мальчика же бранилась и кричала на них с берега.

Один из поросших мхом валунов оказался скользким. Нога мальчика соскользнула. Он начал падать на спину, рискуя угодить затылком прямо на выступ твердого камня.

Девочка приняла решение за доли секунды.

Она бросилась на острые зазубрины и успела раньше мальчика. Что-то в спине громко хрустнуло от удара. Ее голова откинулась назад, но волосы смягчили столкновение черепа с камнем. В эту же секунду голова мальчика упруго приземлилась подруге на живот, в складки хлопкового платья – вместо того чтобы встретиться со скалой.

То, что она успела вовремя, – волшебство, не иначе.

Затем их догнали. Няня мальчика вернула детей на пляж и строго наказала им больше никогда так не делать. Старушка схватила мальчика и потащила прочь, не дав возможности попрощаться. Подруги остались в одиночестве среди песка.

Не успели девочки сделать и пары шагов в сторону дома, как брюнетка споткнулась. Испуг уступил место боли. Она волной прокатилась по спине, охватила грудную клетку и замерла на груди под лифом платья. Девочка не могла глубоко вдохнуть, хватала ртом воздух. Светловолосая спутница пообещала проводить подругу домой. Однако к тому времени, как они дошли до фарватера, брюнетка не могла держаться на ногах и всем весом опустилась на плечи спутницы.

– Ох, Эви… – вздохнула мать. Как будто предвидела это. Не медля, женщина отправила мужа за пузырьками. Чернила. Нет, не этот – тот. Мать уложила дочь в кровать и щелчком пальцев разожгла огонь в очаге.

Женщина испробовала все известные ей исцеляющие заклинания.

Через несколько секунд стало понятно: ни одно из них не сработает. Дыхание девочки ослабевало, пока совсем не стихло.

Мать рыдала и сокрушалась, что ее сестры – более могущественной ведьмы – не было рядом. Целительница Королей, она врачевала властителей мира сего. Те объявили магию вне закона, но были готовы закрыть на нее глаза, когда речь шла об их собственном здоровье. Лишь репутация сестры могла заставить придворного врача прийти в их дом. Но он все равно опоздает. Как и Ханса, что находится в сутках пути отсюда и лечит очередного представителя дворянства.

Отец девочки положил руку на плечо матери и смахнул слезы с ее щек. Затем он сжал уже похолодевшую руку дочери – кровь замирала в ее жилах.

– Я приведу священника.

– Подожди, – произнесла мать. В ее голосе звенела решительность. Женщина встала у края кровати, расправила плечи и произнесла спокойным и ровным голосом:

– Я хочу попробовать еще одно заклинание.

Аккуратными движениями пальцев она нанесла чернила осьминога на щеки, шею и грудную клетку ребенка. Потом нежно опустила руки на грудь девочки.

– Не бойся, Эви.

Затем женщина произнесла слова – старинные и темные. Девочка не понимала их значения. Вдруг ее кровь забурлила и разгорелась, подобно пламени в очаге в противоположном углу комнаты. В доме стало нечем дышать. Тело матери сотрясала крупная дрожь, но та не опускала рук.

Девочка не могла ничего поделать. Она смотрела на мать. Кровь звенела в венах. Вскоре Эви почувствовала: влажные руки матери нагрелись и стали жечь кожу.

И вдруг боль отпустила. В легкие хлынул воздух. Девочка вдохнула полной грудью. Потом выдохнула медленно и спокойно.

И тогда мать улыбнулась дочери – прежде чем ее собственное тело обмякло, а глаза закатились.

Это было невозможно вынести. Грудная клетка матери опускалась, медленно высвобождая из легких воздух. Вдоха не последовало.

– Грета! Грета! – Отец девочки обхватил лицо жены руками, но тут же отдернул их – ладони стали красными и обожженными.

Сердце маленькой девочки пронзил страх. Она с трудом села. Руки матери соскользнули с груди Эви. Тело подалось вперед. Бледная женщина упала на

простыни. Девочка без промедления схватила зелье матери. Эви повернула ее голову лицом вверх и быстрыми движениями пальцев размазала по бледным щекам чернила. Кожа девочки была румяная и теплая – в то время как мать стала белой как снег и горячей словно пепел.

Девочка была умна. Она много наблюдала за матерью и знала, как действуют эти заклинания. Магия основывалась на принципе обмена – нужные слова, действия, зелья в обмен на требуемый результат.

Эви опустила руки на щеки матери и стала повторять незнакомое заклинание.

Слова жизни.

– Эвелин, нет! – кричал отец, но не смел пошевелиться. Страх сковал его и не позволял сдвинуться с места у изножья кровати.

Но девочка продолжала бормотать странные слова. Вскоре ее кожа начала гореть. Боль вернулась. Дыхание стало прерывистым. Мать распахнула прекрасные карие глаза.

Сработало.

Отец переводил взгляд с жены на дочь. Слова были темными. Древними. Могущественными. Он понимал это, как понимал родной язык.

Мать зашевелила губами и сделала глубокий вдох.

– Gefa!

После этого приказа матери девочка не смогла издать больше ни звука. Страшные слова – темная магия – беззвучно слетали с языка девочки.

Но ребенок не сдавался. Тяжело дыша, Эви перешла на крик. Однако ее не было слышно. По щекам покатились черные, как ночь, слезы. Темная пелена застилала глаза. Тело девочки сотрясалось в рыданиях. Ничто не нарушало тишину.

Из последних сил мать взглянула на отца.

– Верни Хансу домой. Расскажи ей все. Пообещай мне.

Он кивнул. Женщина прошептала последнее заклинание. Оглушительный плач девочки заполнил комнату. Черные слезы падали на ее разорванное платье.

– Нет, мама, нет!

Девочка схватила мать за руку, все еще обжигающе-горячую, и увидела: свет покидает карие глаза женщины.

1

Море подобно переменчивой ведьме.

Она может одарить тебя поцелуем, а может украсть дыхание жизни из твоих уст. Прекрасная и жестокая ведьма наделена целым спектром противоречивых качеств. Когда она щедра и благосклонна, мы едим досыта и наполняем сундуки ее дарами. Когда же волшебница зла и сердита, мы облачаемся в траур и льем горючие слезы в ее воды. Она же безразлично наблюдает за нами.

Один лишь прибой поспевает за ее переменчивым настроением – он то накатывает, то отступает под соленые ритмы волн.

Она не просто наша ведьма. Она – наша королева.

Несмотря на ее чары и приступы дурного настроения, ведьма является частью нас. Гордость королей Хаунештада, жемчужина их короны, лежащая у наших берегов. В радости и в горе.

Сегодня она облачилась в свой лучший праздничный наряд. Спрятав гнев глубоко под толщей сияющей воды, ведьма кажется спокойной. Тем не менее в воздухе ощущается напряжение. Звезды мерцают в ожидании

приближающегося летнего солнцестояния и провожают последние часы шестнадцатого дня рождения Ника.

Официально: Кронпринц Асгер Николас Брюньюльф Ольденбург Третий, прямой наследник престола независимого королевства Хаунештад.

Неофициально: просто Ник.

Но назвать его «просто Ник» будет не совсем правильно. Он для меня не «просто Ник». Ник мой лучший друг. Более того – мой единственный друг.

Сейчас он танцует с Мальвиной на другом конце палубы огромного парохода своего отца. Если, конечно, можно назвать эти резкие выпады и неловкие па танцем. У меня сосет под ложечкой, когда Ник оказывается в нескольких сантиметрах от поручня и падения за борт после очередного воодушевленного пируэта Мальвины. Лучше бы она оставила попытки научиться танцевать.

Мальвина, официально Графиня Мальвина Кристенсен – верная поклонница королевских особ. Она и ее отец годами ревностно добивались благосклонности короля Асгера в надежде, что однажды тот одобрит союз графини и принца. И хотя Ник может выдержать танец с Мальвиной благодаря своему ангельскому терпению, у меня возникают сомнения, что дело дойдет до королевской свадьбы.

Я собираюсь отвести взгляд от круговорота розового шелка платья Мальвины, но замечаю в глазах Ника крик о помощи. Он умоляет меня. Сквозь расстояние я слышу, как друг безмолвно зовет меня: «Ээээвиии».

Лишь я могу спасти его. Все молодые парни и девушки города собрались на корабле. Однако никто, кроме меня, не рискнет встать на пути у Мальвины. Все боятся последствий: их не пригласят на прием; на охоте на выходных им выделят самую старую лошадь; за праздничным столом достанется место не рядом с графиней, а около чьей-то дряхлой двоюродной тетки. Меня не пугает ничего из этого. Нельзя потерять социальные привилегии в обществе, где тебя не считают человеком.

Когда пара совершает очередной опасный поворот, я выхожу на импровизированную танцевальную площадку, не обращая внимания на

сопровождающий меня аккомпанемент усмешек. Зрители уже видели эту сцену. Мальвина станет жертвой. Я в роли злодея. Ник будет наблюдать и не вмешиваться. Быть доверенным лицом кронпринца – грязная работа. Как минимум придется время от времени терпеть небольшие унижения. Но я не стану извиняться за помощь ему. В дружбе нужно искать компромиссы. Я готова выдержать гнет неодобрения. Ведь даже если весь мир отвернется от меня, я знаю, что могу рассчитывать на поддержку Ника.

Я дотрагиваюсь до мощного плеча Мальвины, изображаю выражение крайней обеспокоенности на лице и указываю на обмазанное голубой сахарной глазурью восьмислойное чудище, сотворенное ее руками.

– Во имя всех святых, Эви! Что случилось? – раздраженно спрашивает Мальвина.

– На торте глазурь…

– Это фондан, – поправляет она таким тоном, будто бы я только что плюнула на могилу ее бабки.

– На фондане глазурь вздувается.

Неподдельный испуг искажает ее черты. Однако графиня не двигается с места, разрываясь между желанием продолжить танцевать с Ником и порывом спасти шедевр кулинарного искусства от превращения в бесформенную массу. Она недоверчиво смотрит на меня. Боится, что я специально все подстроила, чтобы украсть следующий танец. По мнению девушек Хаунештада – которые как раз сейчас незаметно перешептываются, обсуждая нас, – такая подлость в моем репертуаре. Что ж, в этот раз они правы.

– Позаботься об этом, Мальвина. Спасибо за танец. – Ник вежливо кланяется, демонстрируя безупречные королевские манеры – ни намека на неудовольствие в его чертах.

Когда Ник отворачивается, Мальвина бросает на меня взгляд: смесь откровенного презрения и страха, что я все-таки сказала правду. У нее нет необходимости высказывать вслух свое мнение обо мне. Она и не станет, потому что не хочет, чтобы Ник перестал приглашать ее на танцы. Поэтому, когда принц завершает свой поклон, Мальвина натягивает формальную улыбку, делает

безукоризненный реверанс, а затем поспешно исчезает в облаке золотых волос и благих намерений.

Теперь Ник низко кланяется мне, будто я новая претендентка на его руку и сердце. Пряди темных волос спадают на его угольно-черные глаза.

– Не соблаговолите ли завершить со мной этот танец, миледи?

Мои губы расплываются в улыбке, а ноги сами собой приседают в учтивом реверансе. Миледи. Подобное обращение способно вызвать как добрые чувства во мне, так и ненависть всех присутствующих на корабле. Для них я всего лишь дочь королевского рыболова, бессовестно пользующаяся добротой принца и его высоким положением. Они не могут поверить в то, что мы просто друзья еще с тех времен, когда оба ходили пешком под стол. С тех времен, когда я не знала, кем являюсь сама и кем суждено стать ему.

– Всенепременнейше, Кронпринц Николас, – говорю я в ответ.

Мы смотрим друг на друга и не можем сдержать приступ хохота. Церемониальности и соблюдению условностей никогда не было места в нашем с ним общении – несмотря на воспитание Ника.

Мы начинаем вальсировать по палубе. Ник выше меня сантиметров на тридцать, но привык наклоняться ко мне: чаще всего нам приходится шептать что-то друг другу на ухо, чтобы поговорить.

– А ты не торопилась, – отмечает он, кружа меня под последние аккорды звучащей мелодии.

– Мне было интересно, насколько долго ты сможешь продержаться и не упасть в воду.

Он вздыхает с выражением притворного ужаса и легкой улыбкой на губах.

– Ты отправила бы своего лучшего друга плавать с русалками в его собственный день рождения?

– Русалки славятся своей красотой – не такой уж плохой подарок для шестнадцатилетнего парня.

– Да, только они любят, когда их подарки не дышат.

Я смотрю ему прямо в глаза. И чувствую, как губы начинают дрожать. Сегодня также должен был быть день рождения нашей лучшей подруги Анны. Если бы она находилась с нами, чтобы его отпраздновать. Анна была ровно на год младше Ника. Каждый из нас троих в детстве был хоть раз близок к тому, чтобы покинуть этот мир. Казалось, великая и могущественная Урда[1 - Судьба, одна из норн в скандинавской мифологии.] хотела забрать нас к себе. Но забрала она лишь Анну. И хотя прошло уже четыре года, я склоняю голову и чувствую, как горячие слезы выступают на глазах. Ник тяжело воздыхает и убирает прядь волос с моего лица. Друг ждет, когда я взгляну на него. На его губах мягкая улыбка. Я знаю: Ник сожалеет о том, что в разгар веселья заговорил на эту тяжелую тему.

– Спасибо за то, что спасла меня, Эви. Как, впрочем, и всегда.

Хорошая попытка направить беседу в иное русло. Однако мы оба знаем, что этого недостаточно. Я делаю глубокий вдох и направляю взгляд поверх плеча Ника, старясь больше ничего не говорить.

Я сглатываю слезы и стараюсь сосредоточиться на торжестве. Все здесь подготовлено специально для дня рождения Ника – пароход, «Видтэль» [2 - Темное слабоалкогольное датское пиво.], льющееся рекой, музыканты, двое слуг и угольщик. Этот праздник прекрасен. Я смотрю на маленькие фонарики над палубой. Их свет переливается на блестящей ткани моего единственного нарядного платья.

Мальвина резко наваливается на стол с десертами, отчаянно пытаясь разгладить растущие пузыри на глазури. Я надеюсь, что это зрелище развеселит Ника или хотя бы удостоится королевского смешка. Но его взор устремлен за левый борт – в море. Я следую за взглядом друга. Сердце начинает биться чаще, а затем замирает. Я начинаю различать очертания стремительной шхуны. На судне знакомый силуэт парня – мужчины, – натягивающего парус.

– Икер…

Его имя слетает с моих уст со вздохом прежде, чем я успеваю опомниться. Я ловлю взгляд Ника. Щеки заливаются румянцем.

– Я не знала, что он присоединится.

– Я тоже не знал. – Ник пожимает плечами и вскидывает бровь. – Но Икер не из тех людей, которые отвечают на приглашения и сообщают о своем намерении присутствовать. Он прогулял этот урок в школе принцев. Как и лекцию о пунктуальности.

– Кажется, в светских кругах принято немного опаздывать, – говорю я.

– Наверное. Я не в курсе, – с усмешкой отвечает Ник.

Маленькая шхуна приближается. Я замечаю, что Икер один на борту – он не взял с собой команду матросов из Ригеби Бэй. Хотя я и не ожидала от него ничего иного. Икер – закаленный в бурях рыбак, угодивший в сети общества, которое требует, чтобы он носил шелка и ел икру. Парень мастерски управляется с гротовыми парусами. Его мышцы напряжены, пока он ведет свое судно прямо к кораблю двоюродного брата.

Ник шепчет мне на ухо.

– Теперь я могу попрощаться со своим партнером по танцам.

Я толкаю его локтем.

– Может, и нет.

– Может, и нет. Но я-то знаю, как ты смотришь на него еще с тех пор, когда на моем именинном торте было на десять свечей меньше.

Я закатываю глаза, но не могу сдержать улыбки. В чем-то он прав. Сейчас, конечно, не лучший момент, чтобы спорить о том, что я впервые испытала к Икеру не братские, а совершенно иные чувства вовсе не десять лет назад, а всего четыре года.

Я откашливаюсь.

– Думаю, Мальвина будет только рада – она почти что закончила возиться с тортом, – сказав это, я киваю в сторону голубого чудища, но не свожу глаз с Икера. Он как раз готовится пришвартоваться к пароходу.

Ник крепко обнимает меня и шепчет мне в ухо: «Ты необычайно верный друг».

– Была, остаюсь и буду.

– Это правда. – Ник широко улыбается, а затем машет своей длинной рукой над головой.

– К нам пожаловал не кто иной, как принц из Ригеби Бэй!

– А я хотел сделать тебе сюрприз, – ухмыляется в ответ Икер. – Но, очевидно, нельзя застать врасплох человека на собственном пароходе, который, как смотритель маяка, высоко сидит и далеко глядит.

Ник смеется, выпрямляясь во весь рост.

– Нельзя, если я смотрю в нужную сторону.

Икер хохочет еще громче. Его волосы слиплись от морской соли. Мужественный подбородок обрамляет двухдневная щетина. Тем не менее он вышагивает по палубе со свойственной принцу элегантностью. Икер окидывает меня беглым взглядом, в котором читаются сомнения относительно моих физических возможностей, прежде чем бросить мне швартовый канат. Я ловлю его и закрепляю с помощью узла – этому я научилась у отца.

Икер забирается по канату на корабль. Ему удается приземлиться аккурат между мною и Ником. За нашими спинами уже собралась целая толпа.

– С днем рождения, братец! – Глаза Икера горят озорным огнем. Он хлопает Ника по спине, а затем заключает своего на вид тщедушного (на самом деле сильного) двоюродного брата в медвежьи объятия.

Закончив с Ником, Икер обращает свой взор на меня. Цвет его ясных голубых глаз напоминает о прозрачных льдах древних северных фьордов.

– Эвелин, – Икер приветствует меня учтиво, как и положено по этикету. И вдруг резко притягивает меня к себе и обнимает.

Я боюсь пошевелиться и смотрю на Ника. Как и все присутствующие, кронпринц изумленно уставился на нас. Икер, кажется, этого не замечает – или ему попросту наплевать. Юноша еще крепче прижимается ко мне, обхватив руками за талию. Его мышцы все еще не остыли после напряженной работы с парусами. От Икера пахнет солью и лаймом. Его рубашка усеяна капельками воды. Они как темный оникс на серой накрахмаленной ткани – след, оставленный морем.

Несколько мгновений спустя Икер отпускает меня. Его рука медленно скользит по моим плечам. Я стараюсь игнорировать звенящий в голове вопрос. Им, я уверена, задаются все присутствующие. Почему я? Мы знаем друг друга с малых лет, но Икер никогда не выказывал мне подобной симпатии. Я не в его вкусе. Я ни в чьем вкусе. Но Икер продолжает вести себя как ни в чем не бывало. Он разворачивается к Нику и толпе и демонстрирует им очаровательную улыбку.

– Почтенные жители Хаунештада, – его голос звучит громко, но искренне. Икер улыбается еще шире. – Давайте устроим нашему принцу такой душевный праздник, чтобы он навсегда его запомнил.

2

Мне кажется, я во сне.

Не дав мне шанса оправиться от жарких объятий, Икер закружил меня в танце.

Я пыталась сказать ему, что это не лучшая идея. Однако парень не хотел ничего слышать.

– Пускай болтают, – отрезал Икер. Если бы он только знал, сколько слухов уже появилось на свет.

Я ощущаю на себе взгляд Мальвины. Да, Мальвина, именно так танцуют люди, когда им не нужно беспокоиться за свою жизнь. Я стараюсь не думать о ней. Хочется запомнить этот момент в мельчайших деталях. Икер похож на сочетание дорогой блестящей кожи и воздушного муслина. Его закаленные в плаваниях руки грубые и в то же время нежные. Юноша бережно гладит мою кисть большим пальцем.

Будучи двенадцатилетней девочкой, я даже представить подобного не могла. В моих мечтах все было намного проще: я в пышном фиолетовом платье, Икер в королевской парадной форме. Мы гуляем рука об руку по дворцовым садам. В реальности все оказалось совершенно иным. Чувства подобной силы – я не уверена, что могу их выдержать. Я не справляюсь. Он заметил, что у меня вспотели ладони? Икер чувствует, как бешено колотится мое сердце?

– Я увидел тебя, еще когда плыл на шхуне, – он шепчет мне на ухо. – Еще до того, как взошел на борт. Ты сегодня прекрасна как никогда, Эви. Впервые я молил богов, чтобы мое судно летело по волнам как можно быстрее.

Я не знаю, что ответить. Дар речи покинул меня. Я смотрю по сторонам в попытке привести мысли в порядок. Солнце уже зашло. Последние его лучи догорали, пока слуги уносили наши тарелки с косточками куропаток, скелетиками налимов, пустыми гороховыми стручками и листиками, оставшимися от клубники. И хотя вся палуба освещена по кругу маленькими фонариками, опустившаяся ночная тень создает ощущение, что мы одни на корабле.

Парень, девушка и море.

Музыка заканчивается. Икер крепче прижимает меня к себе. Отстранившись, он проводит пальцами по моему подбородку.

– Не следовало мне надолго уезжать из Хаунештада, – произносит парень, перебирая мои волнистые пряди. – Твои волосы точно такие же, как и в детстве. – Он поднимает глаза. – И те же глаза, напоминающие звездную ночь.

Я стараюсь не смотреть вниз – его руки играют с моими локонами. Я закусываю губу, чтобы приглушить вздох. Он наматывает прядь на пальцы. Кажется, Икер делает это неосознанно – мальчик, сотканный из широких улыбок и великодушных жестов, который попросту не задумывается о таких мелочах.

Икер переводит взгляд на музыкантов, столпившихся у скамьи. На ней кто-то начинает играть на гитаре. Мы не можем видеть гитариста, но щегольская и мастерская манера игры выдает его с потрохами. Это Ник. Он с самого детства обладал удивительной способностью взять в руки любой инструмент и моментально разобраться, как с ним обращаться. Сейчас кронпринц наигрывает мелодию песни, которую я напевала в порту, будучи маленькой девочкой, верящей, что это принесет удачу отцу на рыбалке.

Икер отпускает мои волосы.

Прочищает горло.

Отстраняется, чтобы между нашими телами появилась некоторая дистанция.

Вот и все. Чего и следовало ожидать. Возможно, мечты и нужны для того, чтобы стать явью всего на несколько секунд. Насмешка высших сил.

Взгляд моряка устремлен в сторону, на музыкантов. Икер произносит изменившимся тоном:

– Эви, мне очень нравится в Хаунештаде, но я бы не хотел наступать на больную мозоль собственному брату.

Теперь у меня что-то не так с голосом. Почему Ник решил сыграть именно эту песню? Я сглатываю ком в горле.

– Ты никому ни на что не наступаешь, – надеюсь, он не подумал, что я оправдываюсь. – Кроме того, Ник был бы рад видеть тебя чаще. И кстати: через несколько дней мы будем праздновать Литасблот[3 - Праздник урожая, посвященный Урде.].

– Ох, точно. Во имя Урды вы будете заниматься всякого рода сумасбродством, швыряться хлебом во всякого, кто не имеет двойного подбородка, и водить хороводы до потери сознания.

– Вы? – я пихаю его локтем.

Икер, может быть, и вырос по ту сторону пролива, но он такой же представитель династии Ольденбург, как и Ник. Их род правит Данией и Швецией вот уже четыре сотни лет. И кому, как не им, знать, что нужно чтить богиню, дарующую нам урожай.

– Не смейся над играми. Мы относимся к ним очень серьезно.

– Ах, да. Кто первый пробежит дистанцию с самым тяжелым камнем на плече – схватка ни на жизнь, а на смерть.

– А кто быстрее пробежит по бревну? Очень ценные навыки, между прочим, – я смеюсь от того, что получилось разрядить обстановку.

Икер поворачивается ко мне.

– Если я ввяжусь в это феерическое веселье под названием Литасблот, обещаешь, что пробежишься по парочке невинно убиенных деревьев, чтобы позабавить меня?

– Если таковы ваши условия – обещаю, – я склоняюсь в шуточном реверансе.

Мне не удается сдержать смешок. Икер тем временем не может оторвать взгляда от моего лица. Словно в неконтролируемом порыве он проводит большим пальцем по моей скуле, подбородку, дотрагивается до моих губ. Я чувствую, как кровь приливает к щекам от этого прикосновения. Мой взгляд устремился в его холодные светло-голубые глаза.

– Икер, я…

– Почтенные жители Хаунештада!

Мы резко поворачиваем головы на голос Ника. Он доносится с другого борта корабля. В руках кронпринц все еще держит гитару. На голове у него корона из лимонных долек, запутавшихся в копне вьющихся волос. На лице сияет широкая улыбка, а руки вскинуты в воздух. Он неосознанно пародирует Икера – правда, после пары кружек коронного напитка короля Асгера.

– Будучи наследником престола, я издаю королевский указ, повелевающий спеть для меня в честь моего шестнадцатилетия.

– Слушаемся и повинуемся, – кричит Икер. Его примеру следует вся толпа гостей, про присутствие которых удалось ненадолго позабыть.

– Превосходно! Руйвен уже подал сигнал, чтобы скоро пускали салют. Но для начала… – речь Ника прерывается, когда Мальвина резким движением тянет его вниз, чтобы дотянуться и сказать что-то на ухо принцу. Девушка делает жест в сторону торта. Ник выпрямляется и перекладывает гитару в другую руку.

– Прекрасная леди Мальвина только что сообщила мне, что у нас нет свечей.

Грифом гитары Ник указывает в мою сторону и с притворно-официальной интонацией обращается ко мне:

– Эвелин?

И поднимает бровь.

Я изображаю недоумение.

– Ну же, ты ведь знаешь, где они лежат.

Конечно, знаю. На том самом месте, где Ник оставил их, когда в первый раз «одолжил» корабль короля в начале весны, наконец сменившей длинную морозную зиму.

– Да, ваше величество.

Как бы мне ни хотелось покидать Икера, нужно выполнить просьбу. Я отхожу от него и буквально доли секунды ощущаю на коже тепло его тела. Я решаю захватить с собой фонарик, низко висящий над палубой, и выбираюсь из толпы.

Мои башмаки стучат по ступеням. Я спускаюсь в трюм, в капитанскую каюту. Размер этого помещения нескромный даже для капитана – здесь места больше, чем в целом доме, где живу я, отец и тетушка Ханса. Маленькому фонарику не осветить такую огромную площадь. Я едва ли вижу что-то дальше края подола собственного платья. Это очень раздражает.

Хочется удостовериться, что я здесь одна. Я внимательно смотрю на лестницу – никто не последовал за мной. Подперев спиной дверь, я открываю фонарик. Затем вполголоса читаю старинное заклинание и дотрагиваюсь кончиками пальцев до фитиля свечи.

– Brenna bjartr aldrnari. Brenna bjartr aldrari. Pakka Gl??.

Свечка разгорается и начинает сиять в три раза ярче, чем прежде.

Все происходит быстро. Это настолько незаметное колдовство, что я могла бы, пожалуй, совершить его у всех на глазах. Но даже нечто банальное и незначительное – вроде этого усиливающего заклинания – несет большую опасность в наших краях.

В былые годы при Ольденбургах женщины и за меньшее горели на кострах.

Это означает, что есть вещи, которые Ник и Икер никогда не должны знать обо мне.

Кроме того, сегодня я уже испытывала судьбу, когда безмолвно заставила торт Мальвины начать сбрасывать свою сахарную кожу. Ничего подобного я не практиковала с детства, но заклинание сработало. Если бы мне захотелось проверить свою удачу, то можно было бы попробовать распалить пламя свечи на людях. Хотя, честно говоря, мне никогда не везло.

Теперь света более чем достаточно. Я спокойно иду по огромной каюте по направлению к паре стульев. Те стоят под иллюминатором по правому борту.

Между стульями расположен дубовый стол со столешницей, расписанной под шахматную доску.

Я видела, как Ник убирал оставшийся запас свечей в ящик этого стола. Я тогда еще помогала ему уничтожить улики после праздника в честь начала весны и теплой погоды. И дело не в том, что его отец впоследствии не узнал об этом веселом сборище. Королевские моральные устои Ника не позволяли ему лгать. Юноша лишь не хотел добавлять работы служителям порта.

Сжимая добытые свечи и спички в одной руке, другой я схватила фонарик и направилась к двери. Но вдруг боковым зрением я уловила два ярких блика белого и голубого цветов. Я развернулась и увидела два небольших сияющих ореола за стеклом иллюминатора.

Сердце замерло, когда пришло осознание: нет ни одной рыбы, глаза которой были бы так похожи…

На глаза человека.

Боль в груди напомнила о необходимости дышать. Я поднесла фонарик к иллюминатору, мысленно пытаясь пересчитать всех, кто сегодня был на корабле. Да, все гости и слуги оставались на палубе, когда я спускалась в трюм.

Свет свечи упал на толстое стекло. За ним я увидела… глаза подруги. Насыщенно-синие, они выделялись на фоне сияющей кожи лица, обрамленного светлыми локонами. Волосы казались темнее из-за воды. Губы были приоткрыты от удивления.

– Анна?

В тот же миг, как это имя пронзило тишину сырой каюты, лицо исчезло. И перед моим взором осталась лишь темная толща воды цвета индиго.

Хватая ртом воздух, я бегу к соседнему иллюминатору. Задыхаясь, я зову подругу снова и снова. Но ни в нем, ни в следующих двух я не нахожу ее прекрасного лица.

Я стою посреди огромной королевской каюты. Сердце бешено стучит. Воздух обжигает легкие. Я начинаю громко рыдать. Жгучие слезы катятся из глаз.
Я понимаю: ни братская любовь Ника, ни нежное отношение Икера не изменят того факта, что я всего лишь одинокая дочь рыбака.

Одинокая дочь рыбака, которая сильнее всего на свете хотела бы вернуть свою милую подругу. Настолько сильно, что даже видит призраков.

Настолько сильно, что начинает сходить с ума.

3

Тыльной стороной запястья я вытираю глаза, все еще сжимая в руке свечи и спички. Пара глубоких вдохов, и я заставлю свои налитые свинцом ноги двинуться к двери, а затем вверх по лестнице.

– Прекрасная леди вернулась и принесла свечи! – при виде меня нараспев кричит Ник, не прерывая игры на гитаре.

– И спички, ваше величество, – мой голос звучит спокойнее, чем могла того ожидать.

– Милая Эви всегда спасает своего принца от его собственной рассеянности.

– Ну, кто-то же должен, братец, – смеется Икер и встает. Мальвина тем временем выхватывает добычу у меня из рук. Она маячит за спиной Ника, протыкая прекрасные слои фондана широкими кончиками восковых свечей. Она даже не сказала спасибо, хотя это требуется по правилам хороших манер. Но меня можно не благодарить.

Не успевает Мальвина зажечь все свечи, как Ник начинает петь. Его голос возвышается над всеми – даже над баритоном Икера. Я, как всегда, просто открываю рот, делая вид, что подпеваю. Мой певческий голос исчез в тот день, когда я потеряла Анну. Тетушка Ханса говорит – мне повезло, что море отняло у меня только его. Ник закрыл глаза и даже внимания не обратил на торт. Пламя

свечей мерцает и танцует за его спиной, повинуясь мощным порывам ветра с пролива Эресунн.

Я всматриваюсь в темноту – туда, откуда дует ветер. Там, где на воде еще различим след нашего корабля, кромешная тьма застилает сине-фиолетовое небо. Тяжелые хмурые тучи сердито наступают плотными рядами на бешеной скорости.

– Икер, – тревожно зову я.

– …Hun skal leve b?jt hurra… – Ник допевает последнюю строчку традиционной поздравительной песни и поворачивается, чтобы задуть свечи. Когда он открывает глаза, первые всполохи салюта загораются над берегом. Белые и красные кометы рвутся в небо одна за другой, освещая горные склоны и лежащий у их подножия город Хаунештад.

– Икер, – повторяю я, не отводя глаз от надвигающихся туч. Он поворачивается, не убирая руки с моей талии. Я указываю на горизонт надвигающейся бури. В этот миг зигзаг молнии рассекает небо прямо у входа в гавань.

Парень сразу осознает масштаб происходящего, когда на глаз прикидывает расстояние между стеной дождя и кораблем.

– Шторм! – кричит Икер. Однако раскаты грома заглушают его возглас.

– Все в трюм! Немедленно!

Но, конечно же, вместо спасения гости поворачиваются посмотреть на бурю. Человеческое любопытство пересиливает инстинкт самосохранения. Икер, Ник и я срываемся с места, как только первые крупные капли дождя падают на палубу.

Ник помогает людям спуститься в укрытие. Икер становится у штурвала, отправив предыдущего рулевого – угольщика – подкинуть топлива в топку и разогнать паровой двигатель. Опытный моряк пытается выровнять корабль и направить его в порт.

Дождь льет как из ведра. Корабль наклоняется, пока я поднимаюсь по лестнице на корму. Я хватаюсь за перила. Мне не удается незаметно применить магию, чтобы помочь в этой ситуации. Но, слава богу, я дочь рыбака и съела пуд морской соли. Я не беспомощна и не бесполезна.

Прямо над головой раскатисто гремит гром. Свечи с торта и освещающие палубу фонарики сдул порыв шквального ветра. К счастью, вспышка молнии загорается в небе. В ее свете удается рассмотреть происходящее.

Икер борется со штурвалом и ведет корабль в нужном направлении. Его ноги широко расставлены, а мышцы напряжены.

Ник взбирается по лестнице, плотно заперев вход в трюм. Его лимонную корону сорвал и унес в море свирепствующий ветер.

Торт опрокинулся и шлепнулся набок, когда корабль резко накренился вправо.

Небо снова разразилось громом. Я добралась до Икера, чтобы помочь ему держать штурвал. Юноша сильный и может сам справиться с управлением. Однако пароход идет намного ровнее, когда я помогаю.

– Круиз «Счастье именинника», – Икер перекрикивает рокочущие небеса.
Я улыбаюсь ему сквозь сжатые зубы. И хотя каждая жила на его шее напряжена, выдавая усилия, каких моряку стоит держать курс, – его глаза смеются. – Ник обещал безоблачное небо и праздничные напитки. Правильно я помню?

Мышцы гудят от натуги. Мы оба стараемся сосредоточиться на свете стоящего у входа в гавань маяка. От башни нас отделяет еще несколько минут ходу. На палубу обрушивается огромная волна, смывая остатки торта. Нику удается удержаться на ногах, схватившись за перила лестницы. Его белая парадная рубашка промокла и прилипла к телу.

– Мы движемся слишком медленно, – орет мне на ухо Икер, улучив момент между раскатами грома.

Я киваю и еще сильнее стискиваю зубы. Новый порыв ветра наклоняет пароход на левый борт, заставляя вращаться штурвал.

– Держу, – кричу я. – Мы не сможем плыть быстрее, если только… – я движением головы указываю на горячо любимое судно юноши – подарок его отца.

Икер понимает мои мысли.

– Ник! – он старается перекричать вой ветра и грозный плеск волн. – Моя шхуна! Помоги мне отвязать ее!

Каким-то образом Ник слышит его просьбу и пробирается к правому борту. Там пришвартована шхуна, чей вес не позволяет нам двигаться быстрее.

Еще одна волна накрывает пароход, наклоняя его вправо. Мои ботинки скользят. Я умудряюсь устоять и удержать штурвал, навалившись на него всем своим весом. На главной палубе Нику удается добраться до правого борта и схватиться за поручень. Одной рукой кронпринц обхватывает его, чтобы сохранять равновесие, а другой отчаянно пытается развязать затянутый мною узел. Икер спешит к брату.

Корабль снова бросает на бок. Я закрываю глаза, молясь о том, чтобы скорее очутиться на суше. Когда я их открываю, мы уже ближе к Хаунештадской пристани – правда всего на метр. Я поворачиваю голову и вижу: Ник почти справился с узлом.

Гребень волны захлестывает борт и обдает юношу водой. Он встряхивает головой, отбрасывая волосы с лица. Принц пытается выпрямиться, но скользкие поручни и новенький деревянный настил палубы не служат ему ни поддержкой, ни точкой опоры. Еще одно усилие – и узел поддался. Канат соскальзывает с борта в воду. Ник намного сильнее, чем кажется на первый взгляд. Он пытается сохранить равновесие, пока пароход переваливается на другую сторону, освободившись от тяжести шхуны.

– Двести семьдесят метров до пристани! – громогласно оповещает Икер, пробираясь к штурвалу. Я перевожу взгляд с Ника на сушу. Маяк наконец-то кажется ближе. Луч света с вершины башни скользит по свинцовым брюхам туч.

Но на нас надвигается самая высокая волна, какую приходилось видеть за сегодня.

Черная, подобно небу над головой, стена воды врезается в правый борт. От удара Ник падает на колени. Я кричу, пытаясь сказать другу, чтобы тот не вставал: чем ниже находится центр тяжести, тем безопаснее. Но мой тихий голос теряется среди рева бури.

Ник поднимается на ноги.

Разряд молнии разрывает небо.

Под напором волны корабль дает сильный крен. Ник вниз головой летит в пучину волн.

4

– НИК!

Я кричу настолько громко, насколько это возможно. Корабль обретает равновесие. Однако никого не видно со стороны левого борта. Там, куда упал Ник, лишь мокрые обломки дерева и морская пена.

– НИК! – реву я, отпуская штурвал. Я огибаю Икера и бегу в сторону лестницы на главной палубе.

Мысли несутся быстрее, чем терзаемое ветром тело. Я мчу вперед, в темноту, ни на что не обращая внимания. Совершенно позабыла о буре, о дожде, о корабле – даже об Икере.

Нет.

Ты НЕ МОЖЕШЬ забрать его, коварное море.

Твоим русалкам придется поискать другую добычу.

Ник – мой.

– Эви! – доносится голос Икера. – Стой! Вернись! Ты не…

– НИК! – я слетаю вниз по ступенькам. Ботинки скользят по доскам, которыми обшита палуба. Я направляюсь к тому месту, где Ник стоял до падения. Ветер швыряет волосы в лицо, когда я вглядываюсь в бурлящее море сквозь дождь и тьму.

– НИК!

Я снова и снова зову его. Мой голос хрипит и слабеет, пока не превращается в шепот. Наконец мы подходим к пристани. Я спрыгиваю на деревянный пирс прежде, чем Икер и угольщик ставят пароход на якорь. Я гляжу на горизонт в надежде заметить вытянутую руку, прядь волос, краешек башмака – что угодно.

Икер перелезает через поручень и приземляется на пирс рядом со мной. Угольщик помогает гостям выбраться из капитанской каюты.

– Эви, – голос Икера звучит намного спокойнее, чем следовало бы. Рассудительность морского волка берет верх над кровными узами.

– Посмотри туда, – он указывает на ту небольшую часть небосвода, где облака расступились. Снова виднеются звезды. – Шторм скоро закончится. Ник отличный пловец.

Я киваю. Его слова вселяют в меня надежду.

– Все равно нам нужно его найти, – отзываюсь я. Я вспоминаю все, что рассказывал мне отец о море, и тычу пальцем в бушующие волны.

– Мы были примерно там, – я перемещаю указательный палец по нисходящей траектории по направлению ветра. Конечной точкой оказывается бухта в конце побережья Хаунештада. – Это означает, что, скорее всего, он будет… там.

Не дожидаясь подтверждения моих мыслей от Икера, я срываюсь с места, бегу вдоль пирса, спрыгиваю на песок и лечу по берегу к бухте.

– Ник! – мой голос срывается, все еще хриплый и беззвучный на ветру.
В несколько прыжков Икер настигает меня, а затем перегоняет.

Бухта Хаунештад представляет собой илистый пляж, окруженный отвесными скалами. Береговая линия здесь имеет волнистую форму и напоминает букву W: вода острым клином впивается в сушу, как будто разрезая ее на две части – два островка. В точке их пересечения находятся несколько огромных валунов. Камни стеной тянутся по направлению к центру бухты, но постепенно уходят под воду.
В хорошую погоду это идеальное место, чтобы насладиться уединением.
В плохую – ураган в птичьей купальне.

Икер показывает на остров побольше, где возвышается Пикник Рок.

– Я пойду искать там.

Ветер стихает. Капли дождя падают реже. Кажется, даже молнии сверкают уже далеко, исчезая вместе с бурей в горах. Я не могу понять: как такой сильный шторм мог начаться и закончиться столь стремительно? Я ощущаю покалывание в жилах – тут замешана магия. Но сейчас нет времени размышлять над этим.
У меня есть более насущные проблемы.

Я киваю в сторону каменистого массива, что возвышается чуть дальше на побережье. Он имеет форму треугольника, развернутого вершиной к центру бухты. Камни довольно высокие и загораживают противоположную часть пляжа.

– Я заберусь туда и посмотрю, что с той стороны.

– Подожди! – на лице Икера отражается усталость. Впервые, кажется, он не знает, что сказать. Юноша запускает руку мне в волосы и притягивает меня к себе. Мое сердце неистово бьется.

– Икер, мы не… – я хочу сказать о том, что мы не должны терять ни минуты, что он не должен меня задерживать. Однако слова замирают на языке. Юноша приподнимает мой подбородок и касается губ.

Я вдыхаю его глубоко и жадно. На мгновение мы переносимся куда-то далеко отсюда. Туда, где не было холодного каменистого пляжа, на котором мы,

промокшие до нитки, искали Ника. Туда, где не существовало классовых различий и титулы не имели значения. Место, которое было возможно только здесь и сейчас. Еще одна насмешка богов.

Икер отстраняется. Я стою, словно оглушенная, и смотрю в его ледяные глаза.

– Будь осторожна, – говорит он.

Вернувшись к суровой реальности, я подбираю свои вымокшие юбки и бегу по берегу к нагромождению камней. Грозовые облака практически скрылись – лишь их хвост оставался висеть над входом в бухту. Над бескрайним морем воцарилась звездная ночь. Волны успокаивались и затихали. Я вглядывалась в воду в попытке увидеть хоть что-то, имеющее отношение к Нику.

Ничего.

Я украдкой взглянула назад, на Икера. Он уже добрался до Пикник Рок и теперь поднимался по ее склонам. Я вздохнула с облегчением: Икер преодолел бурный поток, который мог увлечь парня за собой и швырнуть на ближайший камень.

В детстве я сотни раз взбиралась на эту огромную скалу – как, впрочем, и все жители Хаунештада в юные годы. Я могу совершить подъем с закрытыми глазами. Руки наизусть знают все выемки, а ноги машинально переступают по выступам, устремляясь к вершине. Дождь уже закончился. Поверхность камня влажная, но не скользкая.

Я перемещаюсь еще выше и продолжаю всматриваться в море, напрягая зрение всякий раз, когда вижу что-то подозрительное. В тусклом свете луны не так просто отличить очертания очередного прибрежного камня от силуэта Ника. Я закрываю глаза. Ноги подкашиваются от страха, когда я поворачиваюсь в сторону скрытой половины пляжа. Приходится несколько раз моргнуть, чтобы избавиться от наваждения и убедиться, что это не игра моего воображения. Белое пятно ткани плывет по воде в сторону дальней части берега.

Надежда переполняет сердце. Я карабкаюсь вниз по камням, спускаюсь на пляж и оказываюсь в другой половине бухты. Ботинки вязнут в мокром песке, но ноги на всех парах несут тело вперед.

За горами сверкает молния. Она освещает на доли секунды небо – я успеваю увидеть лежащее у кромки воды тело Ника.

И силуэт склонившейся над ним девушки.

– НИК! – я кричу, что есть мочи, вновь обретая голос.

В ответ доносится баритон Икера из-за спины:

– Эви!

Я не стала его дожидаться. Я даже не повернулась в сторону моряка, сфокусировав все внимание на Нике и на склоненной фигуре девушки. Нижняя часть тела незнакомки скрыта в воде. Без яркого света молнии не удается рассмотреть ничего – помимо ее очень длинных волос, нависших над белой рубашкой Ника.

Девушка поднимает голову, заметив, что я несусь в их сторону на огромной скорости. Лунный свет падает ей на лицо. Через секунду небо пронзает молния. И хотя ноги продолжают двигаться, сердце останавливается.

Огромные голубые глаза. Светлые волосы цвета свежего сливочного масла. Сияющая бледная кожа.

Анна?

Нет, не может быть.

Девушка, кажется, начинает осознавать происходящее. Умиротворенное спокойствие на ее лице сменяет ужас. В панике девушка начинает суетиться. Порывом ветра ее волосы уносит за спину. Она бросает быстрый прощальный взгляд на лицо Ника. Затем ныряет в море.

– Подожди! – кричу изо всех сил, но бесполезно – ее уши находятся под водой.

В мгновение ока я оказываюсь около Ника и падаю на песок рядом с ним.
Я припадаю к груди друга и пытаюсь услышать, дышит ли он. Из раскрытых губ

Ника вырывается воздух и обжигает мою щеку. Вдалеке Икер выкрикивает наши имена.

Из легких Ника доносится хрип. Однако он дышит. Глаза кронпринца закрыты – но, кажется, он в сознании.

– Эви…

– Я здесь, Ник. Я рядом.

На его губах появляется подобие улыбки.

– Эви… продолжай петь, Эви.

В растерянности я пытаюсь сказать ему.

– Ник, я не… Я не умею…

Во рту пересохло. Я внимательно смотрю на море в поисках девушки. Девушки, которая выглядит как повзрослевшая Анна. Девушка, что любит петь – как и моя подруга в детстве.

Поначалу я ничего не могу разглядеть. Мерное движение волн, звезды на небе, свет полной луны, которая появляется накануне летнего солнцестояния.

Но потом у края бухты я вижу ее.

Светлые волосы кажутся серебристыми в лунном свете. Но в тот же миг девушка уходит под воду, окружая себя фонтаном брызг. Однако я замечаю еще кое-что.

Четкие очертания рыбьего хвоста.

ЧЕТЫРЕ ГОДА ТОМУ НАЗАД

Стоял ясный день. Солнце светило ярко. Было непривычно жарко для Хаунештада.

Такая погода вряд ли показалась бы теплой жителям более южных регионов. Однако для скромных обитателей королевств на берегах Эресунна она являлась целым событием. Местные больше привыкли к холодному безразличию Матери-Природы. Даже в середине лета созерцать ее дружелюбную улыбку им было удивительно.

Две девочки – блондинка с легкой волной в волосах и брюнетка с черными вьющимися локонами – резвились на побережье. Звонкие голоса подхватывал дующий с залива ветер и уносил их ввысь – навстречу чистому июньскому солнцу.

Мальчик, который очень вытянулся и уже походил на взрослого мужчину, шел за подругами по пятам. У губ он держал маленькую флейту и наигрывал мелодии. Девочки пели веселые песни.

Несмотря на солнечную погоду, на пляже никого не было. Большинство жителей Хаунештада отправились удить рыбу или ушли в море охотиться на китов – популярный тогда промысел, приносящий хорошую прибыль. Вечером они вернутся на берег с богатым уловом и множеством историй. Тогда наступит время празднования Литасблота и летнего полнолуния. Но пока все песчаное побережье находится в распоряжении девочек и их друга.

Клокочущие и тяжелые волны, подгоняемые сильным ветром, облизывают голые ноги девочек. Никто не заставляет их надеть башмаки. Мальчик, в отличие от них, обут. Его ноги изменились с прошлого лета: они стали очень длинными и волосатыми. Юноша не хотел, чтобы девочки их видели. Он стоял на сухом песке – там, куда не доставали волны. Угольные глаза мальчика были прикованы к девочкам: их аккуратные ножки, казалось, тоже преобразились за год. Преобразились так, что он не мог оторвать взгляда от полоски кожи, выглядывающей из-под их юбок.

Их идиллия продолжалась, пока девочки не остановились как вкопанные. Они перестали петь, подпрыгивать и двигаться так внезапно, что мальчик врезался в спину девочки с волосами цвета воронова крыла. Она весело отмахнулась. Обе подруги завороженно смотрели на море. Пока девочки с восторгом созерцали

белые гребни волн, в их глазах загорелся задорный огонь жажды приключений.

Блондинка с глазами цвета океана заговорила первой.

– Оно злится – как будто с пеной у рта.

– Ты что, сравниваешь море с бешеной собакой? – спрашивает темноволосая. – Ему это не понравится.

– Ты права.

Она вскидывает черную бровь. Глаза – синие, точно полночь.

– Доплыть до песчаной косы и вернуться на берег, – губы расплываются в кривой ухмылке. – Слабо?

Блондинка раздумывает, закусив губу и устремив взгляд на волны. Наконец вместо ответа она начинает расшнуровывать корсаж своего платья.

Мальчик садится на песок за спинами девочек, продолжая играть на флейте. Юноша хотел, чтобы подруги подумали, будто он увлечен этим занятием и совсем не наблюдает за тем, как они раздеваются до нижних юбок.

Но, даже бросая украдкой взгляды, мальчик не мог не заметить красоту их рук и плеч. Гладкие, как у мраморных статуй, которые его матушка заказала для украшения тюльпанового сада. Такие прекрасные, что у него зарделись щеки. Мальчик понимал, что не должен смотреть. Они стали старше – теперь это было неприлично. Но юноша не мог остановиться.

Светловолосая девочка обернулась и встретилась с ним взглядом. На лице ее появился румянец, а одежда упала на песок. Темноволосая девочка похлопала подругу по плечу. В ее больших темных глазах отражалось понимание. У друзей нет секретов друг от друга, но порой они не замечают очевидного.

Когда все было готово – платья аккуратно сложены, – девочки выпрямились и ткнули тоненькими пальчиками в сторону моря.

Раз, два, три… и они сорвались с места.

5

Я не верю в русалок. Совсем. Они всего лишь чудища из древних легенд – вроде тех, что выдумывала тетушка Ханса, чтобы уберечь детишек от опасных и глупых шалостей. Если дотронешься до горячего котелка… если съешь целый пирог… если возьмешь конфету… приплывут русалки и украдут тебя. Мы, жители побережья, очень суеверные, но не наивные.

Русалок не существует.

С другой стороны, я знаю, что я видела. Точнее, кого я видела.

Ник, напротив, почти ничего не помнит. Друг считает, что это я его спасла. Думает, будто я ему пела.

Прошло уже больше суток, а я все еще не сказала Нику, что его версия событий – фантазии умалишенного. Но я стараюсь не упоминать об этом происшествии, потому что не могу объяснить, как все было на самом деле. Пазл не складывается.

Нет, я не верю в русалок.

Но я верю в крепкую дружбу. Сильнее, чем во что бы то ни было.

Анна помогла мне поверить в нее.

И Ник.

Икер – не могу пока ничего сказать про Икера. Хотя вот он стоит, прямо передо мной, на королевской пристани. А за ним местные матросы готовят взятый им в долг корабль к отплытию.

– Поплыли – море зовет. – Икер убирает назад несколько прядей моих волос. Чтобы я услышала древний голос моря, парень складывает ладонь рупором у моего уха. Икер наклоняется, щетиной касаясь моей щеки. Я кожей чувствую его теплые губы, пока он шепчет:

– Эвелиииии н.

Мне передается его задор. Мне очень жаль, что я не могу уехать с ним. Однако этим же утром в море уходит мой отец. И он не вынесет мысли о том, что я нахожусь на борту другого корабля, пока сам находится в плавании. Отец до крайности суеверен – даже если речь идет о короткой поездке в Ютландию и возвращении домой накануне Дня святого Ганса[4 - Так датчане называют Иоанна Крестителя. Этот праздник – датский аналог Дня Ивана Купалы. Считается, что в этот день нечистая сила свободно ходит по земле, а ведьмы собираются на вершине горы Броккен. В старину люди разводили костры, ловили и жгли ведьм. Впоследствии стали сжигать чучела.] и начала празднования Литасблота. Икер одержим идеей поймать огромного кита – такого, чтобы в Ригеби Бэй его мясо можно было есть и продавать неделями. Мне это не нравится, но я понимаю: Икеру нужно ехать. Судоходный сезон недолог. Он не станет ждать никого – даже принца.

– Прости, что не могу составить компанию, – с тоской произношу я. Мне и правда жаль. Время, проведенное с Икером в этот его приезд, кажется мне волшебным. Хотя мы только и делали, что сидели с Ником и развлекали кронпринца историями, чтобы ему скорее стало лучше.

– Ты опоздала с извинениями. Море уже успело разочароваться в тебе. Во время шторма ты показала класс. Ты моряк, место которого среди волн. – Глаза его светятся ярким огнем. И, несмотря на ухмылку на лице, Икер говорит серьезно. Мне даже кажется, что он уязвлен – как бы странно это ни звучало. Но я не могу – я не должна – позволить себе думать, что я нужна не морю, а ему. Так бывает только в сказках.

– Морю придется подождать.

– И мне тоже. – Затем парень склоняется, чтобы поцеловать меня. Хотя это второй наш поцелуй, он стал полной неожиданностью – как будто меня с головой окунули в ледяную воду.

– Тебе не обязательно уезжать, – говорю я, когда он отстраняется. Голос мой звучит тихо. Я проглатываю звуки.

– Что-что? – Икер притворяется, что не расслышал. – Тебе не обязательно оставаться?

Он зажимает мою руку в своих ладонях и увлекает за собой на корабль. Команда матросов тем временем ожидает дальнейших распоряжений принца-моряка.

– Превосходно, в путь! Ты становись у штурвала. Я буду попивать портвейн и следить за тем, чтобы мы не пропустили кита.

Я смеюсь и позволяю Икеру затащить меня чуть выше по трапу, чем следовало бы. Глубоко внутри я не верю в суеверия отца. Но у меня есть свои собственные. Ник еще не до конца оправился после шторма. Я не могу уехать. Что, если другу станет хуже, пока меня не будет рядом?

Нет, я остаюсь.

Икер вернется. Он обещал.

И я ему верю.

Той ночью на пароходе что-то изменилось. И произошло это не в разгар праздника, а во время шторма. Мы с Икером увидели друг друга в своей стихии. Мы оба дети соленого моря. И, невзирая на мое решение остаться, я не расскажу об этом открытии Нику. Особенно о поцелуях. Я думаю, не так уж сложно будет помалкивать об этом при лучшем друге. В конце концов, вот уже шестнадцать лет мне удается сохранить свои магические способности в тайне от Ника.

Я спускаюсь с трапа на пристань. Икер машет руками и что-то кричит своей команде. Потом он отплывает, забирая с собой наш общий секрет, который я надежно спрячу и сохраню в своей памяти. Я наблюдаю за тем, как его корабль покидает гавань. Через некоторое время Икер оборачивается. Я машу ему рукой. Сегодня мне нужно попрощаться еще с одним человеком. А затем можно будет вернуться к своим ежедневным обязанностям, для выполнения которых у меня в кармане припасен аметист тетушки Хансы.

Нет, я не верю в русалок. Но хочу верить: когда я прикладываю аметист к носу отцовского корабля перед его плаванием, что-то происходит. Как и когда я читаю выдуманное мною из древних магических слов заклинание.

Я выполняю этот ритуал всего пару недель. Однако он работает – судя по тому, что улов уже сейчас гораздо больше прошлогоднего. На моем лице появляется улыбка, когда на пристани я вижу ликующих рыболовов. После четырех лет страданий из-за Засухи и полнейшего безрыбья, из-за которого число рыболовных судов в городе уменьшилось вдвое, искренняя радость в их голосах – настоящее благословение.

После трех лет Засухи король Асгер понял: молитв богам недостаточно. Хаунештаду требовалось найти иной способ выжить. Было решено строить королевский пароход. Всех мужчин, кто не ушел в море, привлекли к делу: они сооружали деревянный каркас и обшивали дымовую трубу листами металла. Строительство корабля длилось с конца лета и до первых морозов.

Но даже этот пароход, возведенный общими усилиями жителей славного города Хаунештада, не смог прокормить всех его обитателей. Это была единовременная мера. Даже корона не может позволить себе новый корабль каждый год.

Я должна была что-то предпринять.

Начиная с того лета, когда умерла Анна, я взяла себе в привычку пробираться в комнату тетушки Хансы. Каждую неделю она отлучалась в хижину госпожи Агнаты, чтобы сыграть партию в вист. В комнате тетушки всегда душно – огонь в камине горит ночи напролет даже летом. По периметру комнаты под потолком она развесила сотни сухих роз.

Этим тетя пытается продемонстрировать свою глубокую убежденность в том, что эти цветы с их ароматом и красотой во всем превосходят тюльпаны – очень популярные растения среди жителей королевств берегов Эресунна.

В противоположном от дымохода углу под связками роз затаился в тени матросский сундук. Он накрыт покрывалом, поросшим мхом. В недрах сундука скрываются все страхи Ольденбургов. Все то, что запрещено законом: драгоценные камни с пятнами от времени, книги и кобальтовые бутыльки, чьи горлышки запечатаны пробкой и воском. Все эти предметы пришлись тетушке

Хансе очень кстати, когда Ник на руках вынес меня из моря четыре года назад. Анну так и не нашли. Когда я лежала в постели при смерти, тетушка Ханса поила меня с ложечки настойками. На вкус они оказались как застоявшиеся духи. И настойки действительно были старыми – втайне их веками передавали из поколения в поколение. Думаю, однажды они перейдут по наследству мне.

В свой первый визит я взяла фиолетовый камень. Он был небольшого размера. Я надеялась, что тетушка Ханса не заметит его исчезновения. Этого было достаточно, чтобы осуществить свой замысел. Еще я утащила одну из обветшалых книг с порванным корешком, выудив ее из-под брикета пчелиного воска и мраморной ступки с пестиком.

Поздней ночью я пробралась на пляж. Не доходя до Хаунештадской Бухты, береговая линия сужается. Скалы подходят к самому морю. Из воды торчат их острые зубы. Глубина здесь больше – волны бьют сильнее. Но меж двух огромных утесов затаился небольшой пляж. Повинуясь воле Урды, море омывало склоны утесов тысячелетиями. В результате над песком сформировались великолепные каменные своды.

Насколько мне известно, у этого места нет названия. Я никогда не видела, чтобы кто-то сюда ходил. Его невозможно увидеть с пляжа, а камни укрывают место от волн. Я называю этот пляж Лагуна Греты – в честь моей матери. Ей бы тут понравилось. В глубине лагуны находится маленькая пещера. В нее не поместились бы и двое человек. Однако расселина прекрасно подходит для хранения баночек с красителями и чернилами, которые мне доверила тетушка Ханса.

Я сдвинула несколько небольших камней – их я использую, чтобы прикрывать вход. Затем зажгла свечу. В кулаке я сжимала аметист. Слабый свет свечи упал на страницы раскрытой книги. Слова были древними, но казались знакомыми. Они прославляли могущество Урды, повелевающей морем и сушей. И пока волны бились о скалы у края лагуны, я несколько раз перечитывала неразборчивые строки, вновь и вновь повторяя заклинания. Так прошло много времени. К исходу дня я наконец почувствовала, как магия наполняет мое нутро.

Я практиковалась три месяца, прежде чем впервые заговорить лодку отца.

Спустя три дня он вернулся домой и привез кита – впервые за последние пару лет. Кит был тощий, но это ничуть не омрачило нашей радости.

С тех пор заговор – обязательный пункт.

Просыпаясь каждое утро, я чувствую сильную потребность: хочется предпринять все от меня зависящее, чтобы отец был сыт и здоров. Сердце неспокойно, пока я не внесу небольшой вклад и не совершу свой ритуал.

Даже когда отец на несколько дней уходит в море, а я ничем не могу помочь, я прихожу на пристань и заговариваю любой пришвартованный пустой корабль. Рыболовы уже привыкли ежедневно видеть меня там. Кажется, они не считают странным то, что я постоянно брожу по причалу, прикладывая сомкнутую ладонь к побелевшим от соли, старым, но надежным корпусам кораблей.

Сегодня я внесла особый вклад в общее дело. Мне не приходится ждать благодарности за свои тайные ритуалы. Однако я придумала кое-что, что можно использовать в открытую. Кое-что, что жители Хаунештада, несомненно, оценят и не будут считать просто проявлением милости Урды.

– Эви, дочка! – отец поднимает ящик на борт своего китобойного судна. Оно тоже названо в честь моей матери – «Малышка Грета». Все снасти и припасы уже погружены на корабль. Хорошо, что я успела застать его.

– Я уже думал, ты не придешь.

Я смеюсь, крепко сжимая в ладони минерал.

– Я, конечно, очень хочу, чтобы ты остался. Но это же не значит, что я не пойду тебя провожать.

На лице отца заиграла хитрая ухмылка. Его лоб был весь в веснушках, а среди темных волос красовались выгоревшие на солнце пряди. Хоть и родился в Италии, отец был датчанином до мозга костей.

Мы вместе поднимаемся по трапу. Он бросает ящик в полуметре от новаторского изобретения. Я уверена, устройство облегчит жизнь рыболовам, которые

промышляют в скупых морях. Это средство обеспечит полное выздоровление – то, чего я не смогла добиться с помощью магии. Мое гарпунное ружье красуется на грот-мачте: оно представляет собой автоматический карабин, заряженный копьем на длинной веревке. Оружие блестит на солнце и выглядит просто великолепно – как я и предполагала.

Отец обнимает меня за плечи.

– Моя Эвелин – изобретатель.

– Пустяки, – отвечаю я. Хотя мы оба знаем, что это лукавство. Всю зиму я провела в попытках собрать эту штуковину из старого карабина и переделанного рыболовного багра. И при условии, что мои расчеты верны, гарпун с тросом, оснащенный взрывающимся наконечником, сильно сократит шансы кита на спасение. И если в первом плавании все пройдет гладко – мы, возможно, навсегда изменим традиции китовой охоты Хаунештада.

– Не скромничай. Он произведет революцию.

Я склоняю голову и поднимаю бровь.

– Он и на следующей неделе может произвести революцию.

Отец сердится, когда я затрагиваю эту больную тему. Он не единственный рыбак, уходящий в плавание накануне Литасблота. Но большинство решили подождать окончания праздника, воодушевленные своей недавно обретенной – не без моей помощи – удачей. Но остальные меня не интересуют. Как и короля Асгера, потому что отец – королевский рыболов.

– Это не последний Литасблот, Эвелин. Однажды закидав кого-нибудь хлебом, ты понимаешь: все эти игры одинаковые.

– Но…

Он не дает договорить, хватая меня за подбородок своими грубыми пальцами.

– Никаких «но». Пока есть шанс, нужно хватать удачу за хвост. Кожа на большом пальце отца вся в морщинах и угольной пыли. Он прижимает палец к моей нижней губе.

– Я вернусь домой к балу в честь окончания фестиваля.

Несмотря на печаль от очередного прощания, я натянуто улыбаюсь его словам.

– Однажды увидев меня в моем нарядном платье, ты понимаешь, что оно у меня всего одно.

Отец наклоняется и быстро целует меня в щеку. Я ощущаю прикосновение его жесткой и в то же время мягкой бороды.

– Позаботься о Хансе, дорогая.

Я прижимаю его к груди и вдыхаю сладковатый запах трубки и табака.

– Если она мне позволит, я обязательно позабочусь.

Сжав мое запястье, он отпускает меня. Я иду к трапу, в последний раз окидывая взглядом отца и заодно свою первую попытку улучшения китобойного промысла. Когда я ступаю на иссушенные солнцем доски причала, то слышу: отец отдает команду поднять трап и якорь.

За несколько мгновений до отплытия матросы заняты последними приготовлениями. Я же пользуюсь случаем и прижимаю свой маленький камень к корме корабля – прямо под тем местом, где печатными буквами выведено имя моей матери. Я закрываю глаза и нашептываю заклинание легкому бризу с пролива Эресунн.

6

Идеальная ночь, чтобы жечь ведьм.

Вот чем по своей сути является канун Дня святого Ганса. Праздник, посвященный избавлению от таких, как я. Сожжение, утопление, изгнание – все эти способы использовались в разное время.

Сегодня, к счастью, жгут всего лишь чучела ведьм. С этого действа традиционно начинается Литасблот в Хаунештаде. На берегах Эресунна мы первые начинаем его праздновать. Торжества длятся дольше, чем в других королевствах, – целых пять дней. Люди со всей округи собираются, чтобы посмотреть на игры, петь прославляющие Урду песни и отведать tv?st og spik: темное мясо кита с розовым салом и жареной картошкой. Даже во времена Засухи жители Хаунештада без сожаления делились своими скудными запасами провизии, чтобы отдать дань уважения богине.

Костер разгорается. Языки пламени поднимаются высоко в желтовато-розовое небо. Праздник начинается. Король Асгер произносит речь о любви и искусстве игры.

Затем Ник говорит о любви и искусстве игры.

Ведь несмотря на шторм, заставивший принца висеть на волосок от смерти, он, хвала небесам, все-таки стал совершеннолетним. Согласно традиции, Ник теперь должен взять руководство фестивалем в свои руки. Тот факт, что он чуть не утонул, не освобождает кронпринца от этой обязанности.

Едва восстановив свои силы, Ник проводил много времени в уединении. Он измерял шагами дворцовые залы и заучивал речь своего отца. Я дважды видела, как друг произносил ее полностью – до дня рождения и после. Оба раза он был великолепен. Может, спешил совсем немного. Но только от того, что все это было для него в новинку. Я знаю: принц выступит замечательно.

Но кронпринц Асгер Николас Брюньюльф Ольденбург Третий, прямой наследник престола независимого королевства Хаунештад, не разделяет моего мнения.

На нервной почве он стал бледным. Длинные пальцы юноши трясутся, когда он приглаживает волосы. Этот день сам по себе сложный для нас: сегодня исполняется четыре года с того момента, как утонула Анна. Добавить к этому волнение по поводу публичного выступления – и Ник выглядит так, будто вот-вот упадет в обморок.

Без лишнего стеснения я беру его руку. Наши пальцы переплетаются. Каким-то образом волнение Ника заставляет меня забыть собственные страхи – успешно ли пройдет испытание отцом моего изобретения; приедет ли Икер. Я сжимаю ладонь Ника.

– Единственное, чем ты занимался последние пару недель – это репетировал речь. Все будет хорошо.

– Но это совершенно не мое, Эви.

– Как же не твое? Ты потомок Ольденбургов. Королевской династии с тысячелетней историей. – Я подхожу к другу вплотную. Мое лицо в нескольких сантиметрах от его. Заглядываю в глаза. – Эта речь у тебя в крови.

Ник краснеет и отводит взгляд.

– Боюсь, я пролил эту кровь, когда разбил ногу о камень в десять лет.

Я сдерживаю себя, чтобы не рассмеяться: вспомнилось, как Ник потерял сознание от вида собственной крови. Это случилось прямо посреди тропы к перевалу Лиль Бьерг. Нам с Анной пришлось снять свои чулки, чтобы перевязать глубокий порез над голенью – прежде чем подхватить Ника под руки и помочь ему медленно спуститься с горы.

– Вспомни свой день рождения. Ты не смущался, когда пел песни, сидя на скамейке с лимонами в волосах.

– Тогда на меня не смотрело все королевство, как сегодня.

– Ну и что? Еще несколько пар глаз?

Ник величественно фыркнул.

– С каких это пор «несколько» означает «в сотни раз больше»? И не думаешь, что вспоминать мой провальный день рождения – не лучший способ меня успокоить?

– Ой, не драматизируй.

Ник вскидывает бровь.

– Ой, а ты не драматизируешь, когда выходишь на пристань, чтобы проглядеть все глаза в ожидании некоего мореплавателя из Ригеби Бэй?

Я ничего не отвечаю. Все мои остроумные реплики провалились камнем на дно желудка. Против воли я краем глаза взглянула на море, всем сердцем желая увидеть лодку Икера. Но на горизонте никого не было. Все корабли гостей и свободных от работы китобоев уже стояли в порту.

Ник вздыхает. Я понимаю: он пожалел о своем саркастическом выпаде. Как же хорошо, что Ник не знает о наших поцелуях с Икером. Он притягивает меня к себе. Я чувствую, как нервная дрожь утихает.

– Он приедет. Икер живет по своим правилам. Но он никогда не нарушает своего слова.

Это последнее, что Ник успел сказать мне, прежде чем королева Шарлотта потребовала его к себе для генеральной репетиции речи. Я опускаюсь на песок. На моих коленях лежит маленькая куколка в черно-белых одеждах. Под цвет пепла. Я с трудом могу себя заставить участвовать в этом обряде. И в этом году мне придется пройти через это одной – без Ника под боком.

Наверное, я могла бы присоединиться к придворным из замка. Мы знакомы с детства. Но, по правде говоря, они не считают меня «своей». Что же другие девушки моего возраста? Ну, они недвусмысленно дали мне понять за эти годы: о дружбе с ними я могу и не мечтать.

Возможно, изгнание не такой уж плохой вариант. Пока народ сжигает куколок-ведьм, я могла бы сотворить какое-нибудь волшебство у всех на виду и наконец покинуть этот город. Но это значит, что мне пришлось бы покинуть и Ника. И скомпрометировать всю свою семью.

И вот я сижу в одиночестве – ведьма, скрывающая свои способности; подруга принца, не способная найти себе места.

Пока Ник готовится к выступлению, я сажусь так, чтобы ему было хорошо меня видно. На случай если мужество покинет друга – как тогда на пути к перевалу Лиль Бьерг. Но я нахожу место с краю, чтобы, повернув голову, суметь беспрепятственно смотреть на море.

Он приедет.

Он обещал.

Какая тебе вообще разница?

Я снова взглянула на королевскую семью. И на языки пламени. Еще до дебюта Ника мне придется пройти эту пытку.

Перед началом «праздничного» обряда также принято произносить речь. И хотя король сложил все свои полномочия и передал их Нику, королева Шарлотта ни за что не упустит возможности поговорить об ужасном колдовстве.

Королева – воплощение красоты, со своей изящной фигурой и лебединой грацией. Ее волосы завиты и уложены в высокую прическу. Светлым ореолом они красуются вокруг короны из сапфиров и бриллиантов. Она делает шаг вперед. Свет костра освещает женщину – она словно сошла с картины.

В ее руках одетая в кроваво-красное платье кукла. Она первая совершит обряд.

Как будто бы в смерти каждого датчанина, ушедшего из жизни за последние шестьсот лет, были виноваты ведьмы.

Как будто бы Ольденбурги не казнили сотни женщин, не имея серьезных доказательств их вины.

Как будто бы король Кристиан IV, известный как «Охотник на ведьм», не кичился своей репутацией и количеством жизней, которые загубил.

– Добрый вечер, мои дорогие, – королева Шарлотта приветствует толпу улыбкой, напоминающей трещащий под давлением лед. – Этой ночью мы празднуем не только начало Литасблота в Хаунештаде, но и вспоминаем тяжелые испытания,

выпавшие на долю наших предков.

Костяшки моих пальцев белеют, когда я сжимаю лежащую на коленях куклу. Слушать королеву даже хуже, чем бросать олицетворяющую меня фигурку в огонь.

– Мы, обитатели королевств на берегах Эресунна, живем в гармонии и безопасности благодаря храбрости короля Кристиана IV. Мы живем в гармонии и безопасности благодаря установленным им законам. Колдовству место в глубинах ада.

Королева резко поднимает красную куклу над головой. С головы маленькой ведьмы слетает колпак и исчезает в языках пламени.

– Если на наших берегах еще остались дьявольские отродья, пускай знают: им нет места на нашей земле и на этом свете.

Клянусь, она смотрит на меня, когда произносит эти слова.

– Свет одержит победу. Пламя поглотит вас, и вы вернетесь к своему рогатому прародителю.

Толпа взрывается гулом аплодисментов. Королева Шарлотта разворачивается на полоборота и кидает ведьму в огонь, властным движением уничтожая нас – ведь наша сила представляет для нее угрозу.

Теперь мы должны выстроиться в очередь вокруг костра. Однако я не могу этого сделать. Я не стану. Вместо этого я швыряю куклу через головы впереди стоящих. Им не терпится придать огню маленькие деревянные чучела, символизирующие меня. Мою мать. Мою тетю. Семью моего отца.

Я смотрю на Ника. Тот с улыбкой на лице следует примеру матери. Откуда-то доносится смех тетушки Хансы. Я отчетливо слышу ее грубый хохот. Я знаю: это уловка, призванная защитить нас. Но я не могу понять, как тетушке удается притворяться, будто ей все это безумно нравится. Более того, у нее самая нарядная кукла. Ханса смешивала краски и пасты – пока не получились цвета, сделавшие кукольные одежды самыми яркими на пляже. В этом году платье

кислотно-оранжевое. Все благодаря одному из пациентов, который, к несказанному удовольствию тетушки, оплатил ее услуги куркумой.

Какая ирония: те же горожане, что приходят к тете лечить ожоги и превозносят ее изготовленные по старинным рецептам лекарства, год за годом превращают чучела наших предков в пепел. А она смеется им в лицо – как будто это ничего не значит. Пока сотни людей пытаются пробраться к костру, я сажусь на песок и вытираю руки о подол платья. На них всего лишь пот. Но кажется, будто они в крови.

Когда все ведьмы сожжены, толпа отступает. Ник оставляет родителей и выходит вперед – на место оратора. Костер полыхает у него за спиной. Даже в красно-желтом свете пламени кожа кронпринца кажется неестественно бледной. Я не отрываю от него сосредоточенного взгляда. Даже не моргаю, пока не ловлю его взгляд. Я улыбаюсь и киваю Нику.

Ты все сделаешь превосходно.

Уголки его губ ползут вверх. Принц делает глубокий вдох и прочищает горло.

– Славные жители Хаунештада, приветствую вас сегодня, в первую ночь Литасблота, когда мы прославляем Урду и благодарим ее за милость и дары, принесенные нам морем или землей.

Ник делает запланированную паузу. За ним весело потрескивает костер. Высокие языки пламени щекочут звезды. Хоть пляж и переполнен людьми, слышны только этот треск и шум прибоя. Все присутствующие знают эту речь наизусть. Мы могли бы говорить вместе с Ником, если бы позволяли приличия. В обычные дни он один из нас. Просто Ник. Но сегодня он наш кронпринц. И мы, как его подданные, забываем о фамильярности.

И ждем, не издавая ни звука.

Ник смотрит на толпу и снова встречается со мной взглядом. Я еще раз киваю, чтобы друг продолжал – хотя на его щеки вернулся естественный румянец.

– Следующие четыре дня мы будем праздновать. Мы устроим игры, забеги, песни и пиршества в честь нашей богини. Давайте не будем забывать, что все это – ради нее. Нам смешно. Нам весело. Но это торжество имеет одну-единственную причину. И причина эта – Урда.

Толпа громко ахает – Ник отступил от традиционной кальки. Он говорит от сердца. Меня переполняет чувство гордости за друга.

– На этой неделе мы будем делать то же, что делали в прошлом году, – Ник продолжает. Его голос набирает силу. – Мы одаривали хлебом голодных. Мы пели хвалу Урде. Мы наблюдали, как я ношу тяжеленный камень по пляжу.

Тут принц играет бицепсом и ослепительно улыбается – волнение сменилось бравадой. Пара человек в толпе сдавленно смеются. Отчетливо гремит одинокий взрыв хохота тетушки Хансы. Он доносится с дальнего края стола – там сидит старое поколение горожан.

В ответ на лице Ника появляется довольная усмешка. Затем он хмурит лоб. Его голос вновь становится серьезным.

– Да, я в курсе, что попытки щуплого принца прослыть силачом уморительны. Но над этим можно потешаться в любой день. – Он снова ухмыляется. – И не для этого мы собираемся каждый год. Мы делаем это для Урды. Бывали годы, когда она хотела преподать нам урок и напомнить о своем могуществе.

Ник делает паузу. В воздухе висит гнетущая тишина. Даже костер не смеет прерывать ее.

– Мой отец стоял на этом самом месте год назад и произносил ту же речь, что и на протяжении предыдущих тридцати лет. Ту же речь, что произносил его отец на протяжении тридцати лет до этого. И тем не менее нас с вами не минула Засуха. Продолжается она уже третий год. Отступила ли Засуха, когда мы собрались и пели песни Урде, пока наши голоса не охрипли, а пальцы не стерлись о струны гитар? Нет. Отступила ли она, когда я победил вас, слабаков, в беге с камнями? Нет.

В этот раз лишь тетушка Ханса осмеливается усмехнуться. Но никто не обращает на нее внимания. Все взгляды устремлены на кронпринца. Даже

король с королевой ловят каждое его слово.

– Запомним же раз и навсегда: несмотря на то что мы устраиваем праздник в честь Урды, она не обязана быть к нам милостивой. Как волны во время прилива и отлива у нашего берега – ее волны, ее берега, – Урда может отнимать так же легко, как и одаривать.

Ник останавливается, устремляя взор своих угольно-черных глаз поверх голов – на волны гавани. Я понимаю: его слова относятся и к Анне. Урда решила забрать ее себе, а море исполнило волю богини.

– Давайте же будем в течение этой недели воспевать Урду. Но не просто прославлять ее имя, а искренне чествовать ее. Урда наша королева – прости меня, матушка. Она земля, что приносит нам урожай. Она море, что дарует нам пищу к ужину и товар для торговли. Урда больше, чем богиня. Она и есть мы. Хаунештад. Все его жители. Без нее мы ничто. Колдовством ее не проведешь. Словами Урду не обманешь. Ее воля непоколебима. Урда – королева, а мы всего лишь ее подданные.

Ник прерывает свою речь. Взгляд поверх толпы направлен на волны. Он стоит прямо, высоко подняв голову, – настоящий правитель.

Потрясенные оригинальностью и искренностью оратора, хаунештадцы не сразу улавливают окончание речи. Я поднимаюсь на ноги, начинаю аплодировать и кричать «ура!». Ник смотрит на меня. Прежде чем мне закрывают обзор, я замечаю выражение облегчения на его лице. Все до одного вскакивают, гудят, свистят и самозабвенно хлопают в ладоши. И мне начинает казаться, будто Ник очень далеко от меня.

7

Потом к нему невозможно подойти.

Все хотят пожать Нику руку. Сказать ему, что были поражены глубиной его мысли. Что кронпринц держался крайне уверенно. Что голос его звучал очень

величественно. Что они до сих пор находятся под впечатлением.

Ника захлестнула волна восхищения.

Я стою на песке и жду, выплывет ли он. Но напрасно. Группа подданных подхватила Ника и унесла на всю ночь. Все, кто остался на берегу, тоже постепенно исчезают, чтобы присоединиться к торжеству. Люди сначала всей толпой хлынули к выходу, создавая затор, но потом друг за другом утекли с пляжа. Остались лишь я, горстка догорающих угольков и парочка несчастных, которые в море бесплатного пива утратили бдительность и теперь почивали на мягком песке.

Он станет королем, Эви.

Мне хочется рассмеяться над своей глупостью. Она позволяла думать, будто кронпринц всегда будет рядом. Конечно же, скоро все изменится.

Свет луны настолько яркий, что мне прекрасно видно уходящую вдаль полоску пляжа. Слишком яркий для моего мрачного настроения. Но, может, мне станет легче, если я пройдусь. Проветрю голову. В конце концов, я должна радоваться за него.

Сначала я направляюсь на пристань, осторожно ступая по ветхому деревянному настилу. Громадные и маленькие корабли бьются о причал, безвольно качаясь на волнах.

Как и полагается, королевская пристань самая большая в гавани. Здесь хватает места и огромному пароходу монарха, и судну моего отца, и еще дюжине королевских кораблей, лодок, шхун и шлюпок. В конце пирса, где обычно пришвартован пароход, есть свободное место.

Я смотрю на этот просвет. Во второй раз за ночь во мне рождается надежда, что его лодка покажется среди спокойных волн. Появится из неоткуда с Икером на борту. Парень смеется, а глаза его сияют. Не успев поставить лодку на якорь, моряк спрыгнул бы с носа на пирс, не в силах больше выносить разлуку со мной. Он бы прижал меня к себе, обнял и поцеловал.

Я моргаю. Видение испаряется.

Место так же пустует.

На горизонте не видно ни одного корабля.

Я покидаю причал, разворачиваясь спиной к морю. К водам, которые забрали Анну. Всей душой и сердцем я желаю лишь одного – чтобы она могла вернуться. Я хочу, чтобы у меня снова появилась подруга. Чтобы мне не нужно было рассчитывать на друзей-мальчишек, с которыми изначально не стоило общаться, – ведь рано или поздно долг потребует, и они забудут, кто я такая. И покинут меня навсегда. С другой стороны, Анна тоже была знатного происхождения. Может быть, она бы тоже меня бросила.

На душе слишком неспокойно, чтобы отправляться домой спать. Улыбаться и кивать, выслушивая истории раздобревшей от алкоголя тетушки Хансы о том, как она замечательно провела вечер с друзьями. Друзьями, которые только что отправили тысячи наших сестер в огонь. Поэтому я иду вдоль кромки воды по направлению к бухте. Мои следы на песке подсвечиваются лунным светом и кажутся жемчужной нитью, протянувшейся вдоль берега.

У меня нет определенной цели. Я просто брожу. Надеюсь, я устану настолько, чтобы прийти домой, провалиться в спасительный сон и забыть о печали, съедающей сердце.

У меня есть друзья не из королевской семьи. Точно.

Есть ребята из школы, которые терпят меня ради Ника – правда, только когда он находится где-то неподалеку, чтобы это видеть. В остальное время в их глазах читается неодобрение, когда я здороваюсь с ними.

Та девчонка, которая не смогла спасти свою мать.

Та девчонка, которая выжила, хотя ее лучшая подруга утонула.

Та девчонка, которая думает, что, раз ее отец – королевский рыболов, она может спокойно разгуливать по замку.

Та девчонка, которая возомнила, будто она не просто очередное увлечение принца-ловеласа.

Я подхожу к камням у входа в бухту и стою там некоторое время, позволяя соленому бризу растрепать мои волосы. Ветер здесь кажется очищающим – словно могучее дыхание пролива Эресунн избавляет от грязи тело и душу.

Сегодня море в бухте спокойное. Волны нежно гладят берег, целуют песок и камни с одинаковой трепетной частотой. Никого не видно. Платье на мне самое обычное – у меня вообще нет дорогой одежды, которую жалко. Поэтому я скидываю башмаки, снимаю чулки, складываю их и оставляю на пляже подальше от волн прилива. Песок липнет к пальцам на ногах. Я прыгаю с островка на камень, затем на следующий. Так я добираюсь до скалы Пикник Рок.

Хотя камень все еще сырой из-за поднимавшейся во время прилива воды, на нем можно сидеть. Я подбираю юбки и сажусь, подтянув ноги к груди. Я закрываю глаза, позволяя энергии моря окутать меня.

Сердцебиение постепенно успокаивается. Наконец подступает усталость. Но нельзя лечь спать здесь. Я заставляю себя подняться – затекшие ноги не держат тело – и иду собирать вещи. Ветер совсем утих. И вдруг по спине пробегает холодок. Я обхватываю себя руками, чтобы согреться. Однако ничего не выходит. Я вглядываюсь в темноту ночи – в тень скалы, разделяющей бухту на две части. И готова поклясться, вижу, как свет отражается бликом на чьей-то бледной коже.

– Кто здесь? – спрашиваю я. По телу проносится дрожь.

В ответ слышен лишь шум ветра. Он набирает силу по пути из гавани в море.

Сонливость как рукой сняло. Я внимательно смотрю на отвесный склон скалы. Но там ничего нет, кроме теней и волн.

Может, это был живущий в бухте осьминог. Возможно, существо решило мне отомстить за то, что тетушка Ханса никак не оставит его в покое. Ведьма пытается собрать и упаковать в скляночки все его чернила до последней капли.

А может, и нет. Возможно, это игра моего воображения.

Как и на день рождения Ника.

– Тебе, наверное, стоит держаться подальше от бухты во время растущей луны, Эвелин, – бормочу я сама себе. Луна имеет непредсказуемое влияние на ведьм.

Как будто наяву я слышу новую нотку в хоре сетующих голосов: та девчонка, которая видит призраков в лунном свете.

ЧЕТЫРЕ ГОДА ТОМУ НАЗАД

Мальчик услышал два всплеска. Они последовали один за одним. Юноша вскочил на ноги, позабыв о своей флейте, и вонзил взгляд в море. Затаив дыхание, он ждал, когда одна из них вынырнет. Обе были прекрасными пловчихами, но девочка с волосами цвета воронова крыла всегда побеждала.

До косы было чуть меньше ста метров. И в обычный день нужно немного напрячься, чтобы доплыть. Но мальчик наблюдал за морем и понимал: сегодня не обычный день. Это были не просто волны.

Море злилось.

Мальчик затаил дыхание и подошел ближе к воде. Но не слишком близко – его матушка часто говорила, что соль портит дорогую кожу его сапог.

Первой всплыла на поверхность блондинка. Она набрала полные легкие воздуха и снова ушла под воду. Девочка уже могла видеть косу, но до нее оставалось еще около семидесяти метров.

Мальчик ждал, когда над водой появится темноволосая голова. Он вдохнул. Прищурившись, посмотрел на то место, где подруга должна была вынырнуть. Ее там не было.

Снова мелькнула голова блондинки. Она была на десять метров ближе к косе и плыла, не оборачиваясь.

Темноволосой не было видно.

Мальчик сделал еще шаг вперед. Волна воспользовалась этим и оставила смачный мокрый след на его обуви. Хоть кожа и промокла насквозь, ему было все равно. Юноша тут же снова прильнул взглядом к морю. Сердце выпрыгивает из груди. Он скидывает промокшие ботинки.

Наконец-то. Вдалеке, метрах в тридцати, появилась корона иссиня-черных волос.

Взметнулась вверх рука, отчаянно пытаясь ухватиться за воздух.

Набрав побольше воздуха, мальчик нырнул в воду. Он открыл глаза. В мутной воде юноша ничего не мог различить – только соль щипала глаза. Помня о девочках и о вскинутой вверх руке, он вынырнул пораньше. Мальчик поплывет по поверхности воды, держа голову над волнами. Он отлично умел плавать. Хоть он очень вытянулся за последнее время, сила не ушла в рост. Но течение было чересчур быстрое – мальчику еще не приходилось с таким сталкиваться. Оно тянуло за собой. Уставшие ноги с трудом могли сопротивляться. Невиданная сила из глубины увлекала его во тьму – в объятия русалок, сказками о которых пугали хаунештадских детей.

Над водой юноша не увидел ничего. Ни пятна волос, ни взмаха руки. Но он знал, где они были. Знал, куда плыть.

Преодолев еще двадцать метров, мальчик снова опустил голову в воду и открыл глаза. Посмотрел в глубину, куда его пыталось затянуть течение.

Он увидел, как из облака темных локонов, напоминающих чернильное пятно, к нему навстречу тянутся пальцы. Ее лицо было скрыто за волосами. Юноша нырнул в надежде, что еще не слишком поздно.

Легкие горели от нехватки воздуха. Он вынырнул на поверхность, ухватив одной рукой ее за предплечье. Из-за рывка волосы улетели назад. Синюшный оттенок проступил на ее лице. Мальчик не мог понять, дышит она или нет.

Но он держал ее.

– Ну же, Эви. Давай. – Набрав воздуха, юноша начал молиться всем языческим и христианским богам. Его тело за двоих боролось с течением. Хоть берег был и далеко, мальчик его видел.

Он двигался в сторону суши, делая небольшие передышки в борьбе с волнами и попытками удержать на плаву тело. В эти мгновения принц поворачивал голову в надежде увидеть блондинку, стоящую в целости и сохранности на косе.

Но он не видел никого.

Выбравшись на сушу, мальчик что есть мочи зовет на помощь. Он опускает Эви на песок, убирает с лица пряди и подносит ухо к ее губам.

Не дышит.

Он переворачивает подругу на живот и стучит по спине. Из ее рта и носа вытекает вода и струйкой льется на песок.

Появляются люди. Со стороны пристани и фарватера бегут мужчины и женщины. Они собираются вокруг, шепотом обсуждая девочку. Местные никогда не говорили о ней ничего хорошего – и даже в этой ситуации не стали делать исключения.

Мальчик сказал мужчинам, что еще одна девочка осталась в море. Он указал в сторону песчаной косы и плещущихся над ней волн. Он приказал им отправляться спасать ее. Мужчины подчинились. Потому что знали, кто перед ними.

Мальчик сделал девочке искусственное дыхание, а потом снова похлопал ее по спине, убрав назад копну волос для большей эффективности. В этот раз вода полилась потоком. Затем девочка резко втянула воздух.

Ее глаза открылись. Они были темными и уставшими.

– Ник?

– Да, Эви, да!

Улыбнувшись, юноша обнял ее, хоть это было не очень уместно – учитывая ее голые плечи, нижние юбки и тот факт, что он принц. Но мальчику было наплевать, ведь она была жива. Эви выжила.

– Анна? – спросила она.

И их взгляды обратились в сторону моря.

8

Жизнь в Хаунештаде бьет ключом.

Ясная летняя погода в сочетании с волнительным ожиданием фестиваля в честь Урды создают в воздухе особую атмосферу приближения чего-то грандиозного. Из-за этого я просыпаюсь ни свет ни заря. И, несмотря на мрачные впечатления прошлой ночи, чувствую себя отдохнувшей и свободной.

Я спускаюсь к гавани с аметистом в кармане и вижу проезжающую карету Ника. Я помахала другу рукой. Однако не уверена, что он меня заметил. Ник, вероятно, направляется в долину на встречу с фермерами, работающими на землях его отца. Это традиция на Литасблот. Мы благодарим не только Урду, но и тех, кто возделывает поля.

На кораблях в порту ни души. Но я все равно провожу по их бокам камнем, заговаривая – не взирая на то, что суда никуда не отправятся в ближайшие пару дней. В такое прекрасное утро взывающие к Урде слова льются, как песня. Но я не могу позабыть вчерашней речи Ника. Колдовством ее не проведешь. Словами ее не обманешь. Ее воля непоколебима. Пытаюсь ли я обмануть Урду своими заклинаниями? Меня одолевает приступ страха. Сердце начинает стучать чаще. Ноги наливаются свинцом. Земля уходит из-под ног. Это мое наказание? Я закрываю глаза, чтобы восстановить равновесие. Что за глупости. Магия дана мне не для обмана. Заклинания превозносят Урду. Они воздают хвалу ее морю. Они несут жизнь. Конечно, она знает это. Я успокаиваюсь и ухожу с пристани. Мне нужно отвлечься.

Ник не вернется с полей до полудня. Улицы скоро наводнят гости города, но настоящие празднования начнутся лишь вечером. А Ник будет выступать в качестве судьи в играх. Я иду в сторону рынка, чтобы купить еду для позднего завтрака. Большая сочная клубника, полголовки пахучего сыра «Самсе», баночка маринованной селедки, которую мы зовем «слид», и свежий ржаной хлеб с хрустящей корочкой – такой толстой, что напоминает поверхность камня. Все это записывают на счет моего отца. А я возвращаюсь в Хаунештадскую Бухту.

Здесь тихо. Несколько парочек гуляют у скал. Они не обращают на меня внимания. Я снимаю ботинки с чулками и складываю их там же, где вчера. Затем перепрыгиваю с маленького камня на большой у подножия Пикник Рок. Благодаря палящему солнцу и спокойным водам поверхность камня абсолютно сухая. Я ложусь на него спиной, подставляю лицо солнечным лучам и закрываю глаза.

Помимо моей воли мысли занимает Икер. Он все еще не вернулся. Я уже начинаю переживать. Вот и сейчас ощущаю укол беспокойства.

Что, если что-то случилось?

Что, если взорвалась дымовая труба?

Что, если кит пробил борт корабля во время охоты?

Что, если я в этом виновата?

Знаю, это звучит нелепо. Но хуже всего другое: если несчастье и случится, мы даже не узнаем об этом. Почти все королевство сейчас здесь. Никто вопреки обыкновению не следит за морем.

Тут мое воображение начинает рисовать ужасные картины о судьбе моего отца. И вдруг я чувствую, как на мои закрытые веки падает тень. Видимо, солнце закрыла туча. Раз даже погода портится…

– Простите, мисс?

Этот голос.

Я широко раскрываю глаза в ожидании увидеть лицо давно покинувшей меня подруги.

И вижу склонившуюся ко мне девушку.

Ту, которую я видела в иллюминаторе.

Ту, которая спасла Ника.

Но этого не может быть. Сегодня у меня совсем плохо с головой.

Я привстаю и начинаю моргать. Солнце слепит глаза. Но когда окружающий мир вновь обретает четкость, я все еще вижу перед собой ту же девушку. Она выпрямляется. Длинные светлые волосы покачиваются.

Лицо ее, как и мелодичный голос, до боли напоминает Анну – только повзрослевшую. Даже такая же россыпь веснушек на носу. На ней надето платье. Одеяние выглядит лучше, чем все мои вместе взятые. Кожа ее новых туфелек блестит на солнце.

Туфли. Ноги. Никаких плавников. Нет, девушка не может быть тем, кем я ее считала. Не знаю почему, но в животе похолодело.

– Мне очень неловко, но… – взгляд девушки падает на клубнику в моей руке. – Я больше суток ничего не ела.

Находясь в оцепенении, я отдаю ей ягоду.

Девушка некоторое время крутит ее в руках, прежде чем откусить кусочек.
Я двигаю к ней всю еду, что у меня есть.

Анна любила сыр и фрукты.

– Ой, нет, правда не стоит. Я…

– Я настаиваю, – перебиваю я. Удивительно, что это первые мои слова – ведь на языке крутится столько вопросов. Но я боюсь их задавать. Не возникает сомнений: рано или поздно я оговорюсь и назову ее Анной.

Пока девушка ест, я думаю о том, что сказать дальше.

Ты спасла Ника?

Ты была русалкой?

Ты – это Анна?

Ты меня не помнишь?

На ее месте я бы тут же сбежала после таких слов. Поэтому я молча открываю банку с маринованной селедкой, пока девушка жует краюшку ржаного хлеба.

– Тебе лучше? – интересуюсь я.

– Да, намного. Большое спасибо. И прости за беспокойство. Я все.

Я качаю головой и придвигаю к ней открытую банку с плавающими в рассоле кусочками селедки.

– Поешь еще.

Она смотрит на рыбу с отвращением и машет руками у лица. Я достаю селедку и кладу себе в рот. Затем вытаскиваю за хвост оставшийся скелетик и выкидываю его в воду. Девушка смотрит на меня так, будто бы я только что откусила ей ухо.

Я так же дразнила Анну. Она ненавидела селедку. Сейчас я улыбаюсь. Однако изнутри меня распирает грусть. Нужно перестать искать умерших среди живых.

– Ты уверена, что наелась? – настаиваю я. – Еще остался сыр.

– Нет, спасибо. Я в порядке. – Она всхлипывает, когда произносит «в порядке». Девушка хмурит брови. Под глазами появляются красные пятна. Кажется, будто она плачет – только без слез.

Я опускаю руку ей на плечо в знак утешения. Она переводит дыхание и начинает говорить практически шепотом. Кажется, она не против того, что я до нее дотрагиваюсь. «Я убежала из дома».

– Ох, Анна…

В тот же миг глаза девушки взметнулись вверх.

– Аннамэтти. Но как ты…

– Я не… Я просто… ты напоминаешь мне одну знакомую.

Сквозь плачь прорывается смешок.

– Жаль, что я не она.

– Нет, не жаль, – резко отвечаю я, пока эта девушка – Аннамэтти – вытирает нос.

– Ее отец тоже был лжецом? Кормил всех баснями о том, где он побывал и что повидал, а на самом деле продавал наш скот и не приносил в дом ни гроша?

Я качаю головой и не знаю, что сказать.

– Мне пришлось продать половину ценностей, что у нас имелись, чтобы оплатить его долги и купить поесть. Я не смогла этого больше выносить. Вчера я убежала в горы, перешла Лиль Бьерг и оказалась здесь.

Что-то было не так с ее историей. Повествование казалось вымученным. Но я как завороженная вглядывалась в лицо девушки. Я встречала тысячи лиц с тех пор, как Анна погибла в море. Но ни одно не было так похоже на нее. Тот же тембр голоса. Если бы я не касалась ее плеча и не была уверена, что Аннамэтти состоит из плоти и крови, я бы подумала, что вижу привидение.

Девушка трет лицо руками. Ногти у нее аккуратные и ухоженные. Глаза Аннамэтти открываются. Она хватает меня за руку.

– Я ужасный человек. Прервала твой завтрак, съела твою еду, вывалила на тебя свои проблемы. И я даже не удосужилась спросить твое имя.

– Эви, – отвечаю я.

– Эви, – повторяет она, пробуя звучание на вкус. – Британское имя?

– Да. Эвелин. Моя мама влюбилась в него, когда ездила в Брайтон.

– И не зря, – с улыбкой говорит Аннамэтти. У нее белые и ровные зубы – как у принцессы. Или доярки.

Я снова повторяю про себя: это не Анна. Это даже не девушка, которую я видела в иллюминаторе и на пляже. Это девушка с фермы, живущая по ту сторону горного перевала. Кровь приливает к щекам. Аннамэтти сжимает мои ладони.

– Спасибо большое за твою щедрость, Эви! Это воистину подарок судьбы. – Под глазами у нее опять проступает краснота. Губы девушки дрожат. – Вряд ли мне еще раз так повезет.

Я не знаю, что делать с этим потоком искренности. Внутри теплится какое-то странное чувство.

– Тебе правда некуда пойти и у тебя ничего нет?

Аннамэтти разводит руками.

– У меня есть моя одежда и моя гордость.

Я не могу объяснить, откуда взялась эта девушка, как я к ней отношусь и почему мне хочется ей верить. Но я верю. И хочу помочь.

– Идем со мной.

9

Маленький дом, построенный моим отцом, находится недалеко от Хаунештадской Бухты. Он расположен вблизи берега и недалеко от замка Ольденбургов, от которого к нашему дому ведет дорожка. Задний двор выходит в рощу. Эта роща отгораживает дом от скалистого утеса, нависающего над морем.

– Он такой интересный и необычный, – восхищается Аннамэтти.

– Дом, милый дом, – отвечаю я и открываю входную дверь. Давно я никого не приводила в наше крошечное деревенское жилище. Когда я была маленькой, мы часто брали к себе детей, родители которых уходили в море. Но после смерти матери все прекратилось.

Тетушка Ханса помешивает что-то у очага. По запаху напоминает похлебку из гороха и окорока. Тетя всегда готовит ее на Литасблот, чтобы поставить на общий стол рядом с тушкой жареной свиньи. Это мясо традиционно едят на второй день фестиваля. Потому что «не бывает много свинины среди этой склизкой рыбы». Ханса стоит к нам спиной. Мне следует сказать ей, что у нас гости. Опрометчиво не предупреждать о посторонних, если живешь с ведьмой.

– Тетушка Ханса, познакомься с моей новой подругой.

Ханса вытирает руки. По положению плеч тетушки я понимаю: суп она мешала без ложки. В заклинаниях, помогающих по хозяйству, нет ничего особенного – но тетушка их очень любит. Ведьма никогда не собиралась заводить собственную семью, пока на ее голову не свалились мы с отцом. И с нами не так-то просто – хоть она в этом никогда и не признается.

Когда тетя поворачивается, на лице у нее улыбка. В ясных голубых глазах восторг – ведь она застала племянницу за чем-то столь нетипичным. Ханса на двадцать лет старше мамы. За это время в их семье появилось несколько братьев. Однако все они погибли, отдав молодые жизни переменчивым настроениям моря. Ханса пережила много горя, похоронив своих братьев

и сестер. Это оставило отпечаток на ее лице. Ведьма выглядит старой. Но от нее никогда ничего не ускользает – уж я-то знаю.

Ее реакция при виде Аннамэтти такая же, как у меня. Только тетушка говорит вслух то, что думает.

– О, Анна вернулась с морского дна?

У Аннамэтти отвисает челюсть. Гостья не может вымолвить ни слова. Ее жизнерадостное настроение как ветром сдуло.

– Аннамэтти, тетушка, – поправляю я. – Она из долины. Живет на ферме.

Ханса делает шаг вперед и вскидывает бровь – это у нас семейное – так высоко, что у нее сбивается прическа.

– Правда, что ли? – Ханса осматривает гостью с головы до пят. – Эти руки никогда в жизни не знали тяжелой работы. Эти волосы никогда не палило солнце. И одно это платье стоит больше, чем самая жирная корова в долине.

Тетя делает еще шаг к Аннамэтти и хватает ее за руку.

– Кто ты на самом деле?

– Тетушка, пожалуйста, оставь ее в покое. Она преодолела долгий путь…

– Шшш. Ты видишь только то, что хочешь видеть, – ее внимание снова приковано к Аннамэтти. Ханса смотрит на девушку так, будто может подчинить ее волю себе с той же легкостью, с которой варит суп. – Итак, я спрашиваю еще раз – кто ты такая на самом деле?

Вокруг глаз Аннамэтти снова проступают красные пятна. Однако она не плачет. Более того, гостья смотрит с вызовом. Как будто пытается выиграть негласное состязание с тетушкой Хансой. Когда она открывает рот, оттуда доносится последнее, что я ожидала услышать.

– У вас суп закипел.

Суп не просто закипел. Зеленоватая гороховая жижа, шипя, льется по стенкам кастрюли обильным, неестественным потоком.

– Ааа! – гогочет Ханса. – Видела я таких, как ты.

Я потрясена. Таких, как она? Аннамэтти – ведьма?

Я таращусь на девушку.

Еще одна ведьма. Моя ровесница. Стоит рядом со мной.

Из всех невероятных фактов об Аннамэтти в этот поверить сложнее всего.

Кажется, будто кто-то вскрыл потайную дверь глубоко внутри моей грудной клетки. Бережно хранимый семейный секрет вырывается наружу и висит в пропахшем супом воздухе. В голове проносятся сотни мыслей, когда я смотрю на ее лицо – такое знакомое и в то же время такое чужое. Анна не была ведьмой. В отличие от Аннамэтти.

Аннамэтти кивает. Суп возвращается к спокойному томлению в кастрюле.

Покрытые пятнами руки тетушки снова хватают Аннамэтти – только в этот раз в ее глазах горит странный огонек. Весь скепсис испарился.

– Эви, дорогая, ты завела очень интересное знакомство.

* * *

Тетушка долго и подробно расспрашивает Аннамэтти о ее семье, прежде чем нас отпустить. Забавно: как и мы, гостья утверждает, что ее предки жили в городе Рибе и состояли в родстве с самой знаменитой датской ведьмой Марен Сплиид. Двести двадцать лет назад по приказу короля Кристиана IV ее привязали к деревянной лестнице и бросили в костер. Этот случай не только послужил уроком, но и породил множество легенд. Дар Марен был исключительным, но смелость сыграла с ней злую шутку. Смерть знаменитой ведьмы и последовавшие за ней казни, происходившие при «Охотнике на

ведьм», заставили ведьм Дании разбежаться по всей стране. Наш народ так и не смог оправиться после тех событий – кланы развалились, а магические знания хранились внутри семей и не разглашались.

Учитывая время и расстояние, неудивительно, что в Хаунештаде живет не одна магическая семья, восходящая корнями к городу Рибе и Марен. Однако мне все равно сложно с этим смириться. Мы так долго верили в свою исключительность.

Когда Хансе наконец удается узнать все подробности о генеалогическом древе Аннамэтти, мы идем на улицу. Затем заходим в лесочек за домом, где нас никто не увидит – даже из замка Ольденсбургов, славящегося своими панорамными видами. Мы спускаемся вниз, к морю.

Нужно внимательно смотреть под ноги – земля усеяна корявыми корнями и ветками. Но я знаю эту тропинку, ведущую вниз по пологому склону, лучше, чем кто бы то ни было. И ухитряюсь по пути незаметно рассматривать Аннамэтти. Может, ее семья действительно приехала издалека. Однако на лице у юной ведьмы написано: она местная.

Насколько я знаю, Анна не владела магией. У нее были мама с папой – оба «обычные» люди – и бабушка. Для пожилой женщины Анна стала центром вселенной. Родители уехали из города вскоре после похорон дочери. Собрали свои вещи и титулы и переехали на Ютландию – подальше от места, где все напоминало о тяжелой утрате. Бабушка все еще живет здесь, но она потеряла рассудок от горя, не сумев перенести потерю семьи. Я иногда встречаю ее в булочной. Старушка всех зовет «Анной» – даже меня.

– Что? – интересуется Аннамэтти, перехватив мой взгляд. Мы пролезаем меж двух сросшихся деревьев, стволы которых увлажнились от сока.

Я не могу поведать ей свои мысли. Но в голове крутится несколько вопросов.

– Просто… как ты узнала, что мы ведьмы? Если бы ты не угадала, мы бы могли сдать тебя. Тебя могли бы отправить в изгнание.

Девушка уклоняется от ветки.

– Я просто почувствовала.

Как тетушка Ханса.

– Наверное, я никудышная ведьма, – отвечаю я. – Я ничего не почувствовала. Сейчас я ощущаю, как кровь волнуется в жилах. Но час назад? Нет.

Сколько же всего я не знаю о своих способностях.

– Эви, я думаю, ты отличная ведьма.

Очень мило с ее стороны. Однако это не значит, что слова Аннамэтти – правда. Тетушка Ханса показала мне только самые простые заклинания. Я читала ее книги и книги матери и знаю: еще учиться и учиться. Увидев способности Аннамэтти, я поняла, что появилась возможность узнать больше.

– Как ты это сделала? Я имею в виду трюк с супом.

Аннамэтти пожимает плечами и, ухватившись за ствол, описывает круг – как будто водит хоровод у майского дерева[5 - Майское дерево – украшенное разноцветными ленточками дерево или высокий столб, который по традиции устанавливается во время праздников на площадях в ряде европейских стран. Вокруг дерева обычно устраиваются хороводы и состязания.].

– Это всего лишь оживляющее заклинание, – отвечает девушка так, словно произвести впечатление на тетушку Хансу – незначительное дело.

Я чувствую укол зависти. Аннамэтти так легко, просто и со знанием дела говорит о магии. Я тоже так хочу. Я потратила несколько месяцев на изучение литературы и эксперименты, чтобы сотворить заклинание от Засухи. И я не уверена, что оно сработало.

У меня имеются только косвенные свидетельства его эффективности, а госпожа Серафина научила меня не выдавать случайности за успех.

Еще пара шагов, и мы на белом песке пляжа, невидимого из Хаунештадской Бухты. Я всегда тут хожу, когда нужно срезать путь до Лагуны Греты. Я пытаюсь

перестать волноваться, но не получается – ведь никогда не доводилось посещать лагуну при свете дня. Я окидываю взглядом пляж. На нем ни души – все, должно быть, готовятся к вечерним празднованиям.

– Осторожно, – предупреждаю я, когда мы доходим до конца пляжа. Там находятся два огромных камня. – Здесь глубоко.

Я снимаю ботинки и чулки и вхожу в воду. Почувствовав под ногами песчаное дно, я оборачиваюсь и вижу: Аннамэтти все еще стоит у камней.

– Вот, – возвращаясь, я протягиваю ей ладонь. – Возьми меня за руку. Я помогу.

Маленькими шагами девушка подходит и крепко хватает меня за руку.
Я улыбаюсь.

– Пойдем. Это не страшно.

Добравшись до нужной точки, я отодвигаю небольшой булыжник, загораживающий вход, и приглашаю Аннамэтти войти. Даже в разгар дня пещера погружена в тень. Я зажигаю свечку. С выступов на стенах свисают различные бытовые приспособления. На полу стоит ведро с задыхающимися устрицами – мой недавний провал. На уступе выстроились мои растворы, баночки с чернилами осьминога и кальмара, ядом медуз и измельченным в порошок панцирем краба.

– Ты построила себе логово.

Я смеюсь в ответ.

– Точнее, секретную мастерскую.

– Нет же, это именно логово. – Руки Аннамэтти скользят по каменному выступу. Она поочередно поднимает на свет баночки, восхищаясь цветом и консистенцией содержимого.

Мыском туфли юная ведьма толкает ведро с устрицами.

– Что ты собираешься сделать с этими малютками? – Она берет одного моллюска и держит его в ладошке – как будто это птенчик, а не источник моего бесконечного разочарования.

– Они пустые. Я хотела заколдовать их, чтобы они выращивали жемчужины. Потом их можно было бы расколоть…

Резким жестом Аннамэтти прерывает меня. Она вполголоса бормочет что-то невнятное, сосредоточив взгляд на устрице.

В следующее мгновение раковина моллюска становится ярко-розовой, как закатное небо. Ее створки открываются. Внутри лежит превосходная жемчужина: идеально ровная, молочно-белая и переливающаяся.

– Она прекрасна, – завороженно говорю я, хотя слова кажутся бесполезными для описания такой красоты. Она неземная, неестественная. Мне хочется дотронуться до жемчужины, но в то же время страшно. Она кажется… живой.

Аннамэтти загадочно улыбается.

– Думаю, слишком прекрасна, чтобы ее разбивать, – девушка произносит древнескандинавское слово «Fljota». Жемчужина уже парит у ведьмы над ладонью. Затем без лишних слов девушка снимает несколько нитей, свисающих с вбитых в каменные стены гвоздей. Аннамэтти накрывает жемчужину и нить руками, скрывая их от меня. Потом про себя читает заклинание, сконцентрировав взгляд в одной точке. Несколько секунд спустя она раскрывает ладони. В них оказывается безупречное жемчужное ожерелье.

– Повернись и приподними волосы, – командует она.

Я подчиняюсь. Аннамэтти завязывает ожерелье на моей шее, располагая его так, чтобы жемчужина лежала в углублении между ключиц. У меня нет драгоценностей. Я ни разу не примеряла их. Правда, если не считать обручального кольца моей матери, которое отец прячет в небольшом сундучке вместе с письмами, рисунками и другими воспоминаниями об их совместной жизни.

Я прикасаюсь к жемчужине и поднимаю глаза на Аннамэтти. Та уже увлечена следующей устрицей и нитью. Несколько секунд спустя юная ведьма надевает очередное ожерелье себе на шею.

– Теперь и у меня такое есть, – говорит она.

У меня ком встает в горле. Я помню, как Анна произносила такие же слова, когда мы делали ожерелья из деревянных бусин, доставшихся от портнихи. Украшения получились детскими и незатейливыми, но они многое для нас значили. Мы пообещали никогда их не снимать. Но когда Анна умерла, я не смогла сдержать слово. Мое ожерелье спрятано в маленькой коробочке под кроватью.

Я заставляю себя улыбнуться. Жемчужина непринужденно висит на шее. От нее исходит пульсирующая энергия. Эта сила вызывает необычные ощущения, которые сложно назвать приятными. Интересно, всегда ли она будет издавать такие вибрации. Пусть это прозвучит странно – но я надеюсь, что да.

– Ты можешь меня научить? – вопрос слетает с моего языка.

– Чему тут учить? Ты же ведьма, так?

– Я… Тетушка Ханса не показывала мне ничего подобного. Все, что я знаю, похоже на рецепт приготовления сыра: неправильно рассчитал ингредиенты, и получился рыхлый творог.

Аннамэтти морщит нос.

– Это не так уж сложно, – она берет устрицу. – Вот, возьми. Попробуй. Fljota.

Аннамэтти замечает мои сомнения. Склонив набок голову, ведьма говорит:

– Это всего лишь приказ. Произноси его твердо и уверенно. Магия сделает все остальное.

Я медленно беру устрицу. Она как никогда кажется серой и пустой. И еще вонючей, отдающей гнилью.

– Fljota.

Устрица начинает вибрировать на ладони, но не взлетает. Я не чувствую связи, подобной той, что возникает при заговоре отцовского корабля. Чего-то не хватает.

– Ты управляешь магией, Эви. Она принадлежит тебе. Используй ее.

Что-то в голосе девушки дает мне нужный заряд – как будто заставляет спрыгнуть с причала в воду.

Я расправляю плечи и не отвожу взгляда от несчастного гниющего моллюска. Я вспоминаю: в моих венах течет кровь моей матери. Кровь Марен Сплиид. Среди моих предков по линии отца тоже затаились колдуньи. Я чувствую силы Урды внутри себя, снаружи, вокруг. Это естественный источник, из которого мы черпаем энергию. Я концентрируюсь на своих ощущениях. У меня возникает жажда; жгучее стремление обладать такой силой, которая могла бы вернуть к жизни Анну и мою маму. Которая бы навсегда закончила Засуху, а не сдерживала ее жалкими ежедневными заговорами. Такой силой, которой, кажется, обладает Аннамэтти.

– Fljota, – произношу я, вкладывая в это слово всю свою боль. От раны, появившейся в моей душе в день смерти Анны. От того, что недавно я чуть не потеряла Ника. От всех тех случаев, когда я хотела во благо использовать свои силы, но не могла.

Устрица взлетает.

– L?f, – подсказывает Аннамэтти.

Живи. Я должна подарить ей жизнь.

– L?f, – приказываю я. Устрица меняет цвет. Серая скорлупа постепенно становится розовой, а затем красно-оранжевой.

Раковина нагревается. Становится все теплее – под стать своему новому цвету. Ее жар обжигает ладонь.

Мгновение спустя моллюск раскрывает свои створки. Внутри, прямо посередине, сияет самая безупречная жемчужина.

Она изумительна. Конечно, мне уже совсем не хочется разбивать жемчужину, чтобы использовать для приготовления волшебных припарок. Появилось желание сотворить с ней более удивительные вещи с помощью магии.

Аннамэтти смеется.

– Именно так, подруга, нужно управлять магией.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Судьба, одна из норн в скандинавской мифологии.

2

Темное слабоалкогольное датское пиво.

3

Праздник урожая, посвященный Урде.

4

Так датчане называют Иоанна Крестителя. Этот праздник – датский аналог Дня Ивана Купалы. Считается, что в этот день нечистая сила свободно ходит по земле, а ведьмы собираются на вершине горы Броккен. В старину люди разводили костры, ловили и жгли ведьм. Впоследствии стали сжигать чучела.

5

Майское дерево – украшенное разноцветными ленточками дерево или высокий столб, который по традиции устанавливается во время праздников на площадях в ряде европейских стран. Вокруг дерева обычно устраиваются хороводы и состязания.

Купить: https://tellnovel.com/henning_sara/morskaya-ved-ma

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити